
History and Historians in the Context of the Time

Has been issued since 2003.
ISSN 2078-1296, E-ISSN 2310-6239
2015. Vol.(15). Is. 2. Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Mamadaliev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Natolochnaya Ol'ga – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia

EDITORIAL BOARD

Dr. Bäckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland
Dr. Krinko Evgenii – Institute of Social, Economic and Humanitarian Research of SSC RAS, Rostov-on-Don, Russia
Dr. Kolesnik Irina – Institute of Ukrainian History, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
Dr. Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus
Dr. Rozhkov Aleksandr – Kuban State University, Krasnodar, Russia
Dr. Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia
Dr. Yanysh Sergei – Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Google scholar** (USA), **Directory of Open Access Journals** (Sweden), **Index Copernicus** (Poland), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal3.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.06.15.
Format 21 × 29,7/4.
Enamel-paper. Print screen.
Headset Georgia.
Yeh. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 15.

History and Historians in the Context of the Time

2015

Is. **2**

Издается с 2003 г. ISSN 2078-1296, E-ISSN 2310-6239
2015. № 2 (15). Выходит 2 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Натолочная Ольга – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бекман Йохан – Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Колесник Ирина – Институт истории Украины НАН Украины, Киев, Украина
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Рожков Александр – Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Сенявская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Януш Сергей – Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic scientific library** (Россия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google scholar** (США), **Directory of Open Access Journals** (Швеция), **Index Copernicus** (Польша), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal3.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 16.06.15.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 15.

CONTENTS

Articles and Statements

George V. Baev is a Prominent Public Figure in Pre-Revolutionary Ossetia Alla A. Besolova, Soslan E. Besolov	64
The Basis of the Material Culture of the Highlanders Military Time (Weapons and Fortifications) Nadezhda O. Bleikh	74
Episodes from the Life of Kakutsa Cholokashvili Maia Burdiashvili	82
Russian Policy towards Islam in the Caucasus (XVI–XIX Centuries) Razhabat M. Gichibekova	87
The Genesis of the Study of the North Caucasian Region by the Russian science Ruslan A. Khachidogov	93
Social Policy in the Caucasus on the Eve of the First World War (1905-1914 years) Lyubov G. Polyakova	100
Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? Alexey A. Volvenko	106

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

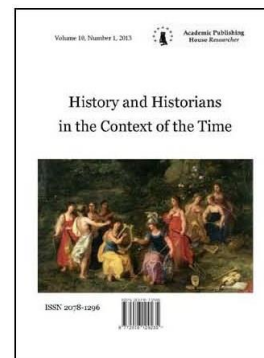
ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

Vol. 15, Is. 2, pp. 64-73, 2015

DOI: 10.13187/hhct.2015.15.64

www.ejournal3.com

Articles and Statements

UDC 94(470.65)

George V. Baev is a Prominent Public Figure in Pre-Revolutionary Ossetia

¹Alla A. Besolova

²Soslan E. Besolov

¹ Severo-Ossetian state University named after K. L. Khetagurov, Russian Federation
362043, RNO-A, Vladikavkaz, Vatutina street, 46
PhD, associate professor

² Severo-Ossetian state University named after K. L. Khetagurov, Russian Federation
362043, RNO-A, Vladikavkaz, Vatutina street, 46
Assistant
E-mail: besolov_soslan@mail.ru

Abstract

In the article on the basis of published archival materials is presented the characteristic of an outstanding public figure of the pre-revolutionary Ossetia – George V. Baev. It is proved that Gappo Baev was an outstanding public figure, an enlightened intellectual, lawyer and administrator, a scholar and critic, educator, collector Ossetian folklore. Baev G.V. was remembered by his contemporaries as a man of high culture. He was the initiator of many progressive initiatives, gathering around the multinational intellectuals. Baev G.V. was especially famous on the post of the mayor of Vladikavkaz city. In conclusion it is argued that offered in the beginning of XX th century by Baev the program of comprehensive development of the city was ahead of its time and became the example of constructive civil relations in society.

Keywords: the comprehensive program, the mayor, the Charity society, loans, the Tersky region, forshtat.

Введение

В истории нашей страны, и в Северной Осетии в частности, имеется немало общественных деятелей, которые прославили себя, служа Отечеству. Одним из таких людей являлся Георгий Васильевич Баев. Получив высшее образование, он отдавал все силы на развитие и благоустройство любимого города Владикавказа – тогда столицы Терской области (1861 – 1921 гг.). Баев Г.В. занимал пост градоначальника, входил в состав депутатского корпуса и благотворительного общества. На этом поприще он старался сделать жизнь горожан красивее и с этой целью проводил различные государственные и общественные юбилеи, праздники, реконструкцию мест торговли, обустроивал досуг, прививая навыки городского общежития. Не все свои мечты по благоустройству Владикавказа Баев успел претворить в жизнь. Разразилась революция, идеи которой он не

принял, и ему пришлось покинуть страну. Находясь в эмиграции все свои произведения, Баев посвятил любимой родине и друзьям. Оставленные Г.В. Баевым заметки и программы, связанные с оптимизацией городского пространства являются актуальными. На примере ознакомления с деятельностью Баева необходимо учить молодежь любить и уважать тот населенный пункт, то место в котором родился и живешь.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные документы, извлеченные из фондов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания. Среди них документы царского правительства: Указы Сената; Указы «е» и «а» и циркуляры о правилах торговли; Циркуляр МВД об утверждении нового «Городового Положения и общественном управлении в городах (29 ноября 1873 – 7 мая 1879 гг.)»; «Городовое Положение от 11 июня 1892 г.»; Постановление о порядке торговли в городах Терской области; постановления областного правления Терской области; различные приказы, а так же материалы из Ф.-224 - Фонд Г.В.Баева.

Совокупность обозначенных источников, послужила фундаментом нашего исследования.

Методологическая база исследования в освещении деятельности Г.В. Баева представлена принципами историзма и объективизма, которые предполагают изучение любого явления или процесса в конкретных исторических условиях и связях, выявление его исторической перспективы, рассмотрение в единстве настоящего, прошлого и будущего. В работе использованы диалектический и логический методы познания, способствующие выявлению внутренних закономерностей общества, особенностей его развития. Историко-системный метод и метод контент-анализа позволили лучше понять социально-экономические, историко-культурные и общественные процессы, имевшие место в г. Владикавказе в начале XX века.

Обсуждение

Одним из просвещённых людей своего времени был Георгий Васильевич Баев – выдающийся общественный деятель дореволюционной Осетии, адвокат и администратор, литературовед и критик, просветитель, собиратель осетинского фольклора. Баев Г.В. запомнился современникам как человек высокой культуры. Он являлся инициатором многих прогрессивных начинаний, собирая вокруг себя многонациональную интеллигенцию. Родился Баев в 1870 году в селе Ольгинское в крестьянской семье. Закончив обучение в Новороссийском университете, с дипломом юриста, он приехал во Владикавказ и стал активно заниматься организацией осетинского книгоиздания.

Гаппо Баева увлекали малоизвестные страницы этнографии и фольклора осетин, которые он тщательно изучал и публиковал в газете «Северный Кавказ». Любовь к осетинскому языку сдружила его с Коста Левановичем Хетагуровым – основоположником осетинской литературы. Баев Г.В. написал несколько книг со сказками для детей и поговорками на осетинском языке. Приложив немалые усилия, Гаппо Баев добился издания «Ирон фандыр» Коста Хетагурова в 1899 году и принял непосредственное участие в работе над дополнением не завершённого «Осетинско-русско-немецкого словаря» ученого – кавказоведа В. Миллера.

Талант руководителя и общественного деятеля особо проявился, когда Г.В. Баев занимал пост градоначальника Владикавказа, председателя благотворительного «Общества по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области», гласного Владикавказской Городской Думы и члена Городской Управы [1].

В выписке из полного собрания законов Российской империи, в собрании втором, томе XXXV за 1860 год под регистрационным номером № 35648 от 31 марта имеется Высочайше утвержденное «Положение об управлении городом Владикавказом».

В именном Указе 31 марта 1861 г. Императора Александра II Сенату говорилось: «Ввиду развития на Кавказе торговли и промышленности и водворение начала мирной гражданской жизни между покорными горскими племенами, признать полезным согласно представлению нашего наместника Кавказского, обратить находящуюся на Военно-Грузинской дороге из России в Закавказье, впереди Главного Хребта Кавказских гор,

крепость Владикавказ с прилегающим к ней крепостным форштадом в город, и даровав разные льготы и преимущества лицам, желающим водвориться в сем городе. Мы утвердили, составленные Наместником и рассмотренные в Кавказском Комитете Положение об управлении городом Владикавказом и штат сего управления. Препровождая сие положение и штат в Сенат, повелеваем, сделать зависящее распоряжение к приведению их в надлежащее положение» [2]. Этим Указом небольшая крепость была возведена в областной город, что сразу же предредило судьбу Владикавказа.

Празднование пятидесятилетия Владикавказа отмечалось широко. Текст праздничного выступления о значении Владикавказа как стратегического и торгово-экономического объекта на южных рубежах России и план проведения юбилея города был составлен Г.В. Баевым.

Гаппо Баев писал, что в течение всего царствования Александра II новый город у подножия Кавказского хребта, на грани Азии и Европы, у входа в историческое Дарьяльское ущелье, пользовался исключительным вниманием и попечительными заботами правительства императора Александра II, незабвенного в сердцах всего населения Терской области. За 20 лет царствования императора Александра II, с 31 марта 1861 г. по 1 марта 1881 г. была совершена крупная работа по устройению нашего города Владикавказа. Положены были прочные камни для возведения стройного здания будущего источника культуры в стране горских народов. [3]

Градоначальник в духе времени отмечает заслуги Августейшего наместника Кавказского Великого князя Михаила Николаевича, под руководством которого Правитель Терской области генерал-адъютант Лорис-Меликов посвятил исключительные силы своего энергичного ума и благородного сердца трудной черновой работе по устройству города [4].

Был составлен первый план города – с его широкими ровными улицами, большими площадями. Насажены первые бульвары – это узорчатые пояса зелени, обвивающие стан нашего города по всем направлениям. Были созданы первые учебные заведения – Владикавказское реальное училище, женская гимназия, Осетинская женская 3-х классная школа имени Великой княгини Ольги Федоровны, Николаевское городское училище [5].

В области народного здравия построен Владикавказский военный госпиталь, долгое время служивший единственным лечебным заведением в городе и во всем крае; Михайловская лечебница для приходящих больных [6]. Выстроен городской театр - культурное приобретение, которого еще не имели многие крупные городские поселения. Для обеспечения города в материальном отношении из окружающих его земель была нарезана дача прекрасной земли в количестве 6 477 десятин [7].

В постоянную собственность нового города перешли казенные сады и многие участки с обустроенными домами, как например ценная усадьба на Александровском проспекте. Все это имущество в настоящее время стоит несколько миллионов рублей. Это возведение маленького поселения - крепости Владикавказ в областной город и богатейшие окраины империи вызвал прилив капиталов к нему и высокое пожелание Августейшего основателя города императора Александра II о том, чтобы «Владикавказ послужил на пользу развития на Кавказе торговле и промышленности и для водворения начала мирной городской жизни между горскими народами», безусловно, превратились в целое государственное дело значения. Все данные свидетельствуют о быстром росте города. В 1861 г. В нем было жителей 100 000 обоого пола, в 1911 г. - 72 000 душ. Бюджет города был тогда 50 тысяч рублей, в текущем году он превысил 500 тысяч рублей [8].

Из-под пера Гаппо Баева появился на свет удивительный документ, который говорит о незаурядных литературных способностях автора. Немного пафосное, но в соответствии с принятыми канонами почитания царственных особ, праздничное приветствие изобилует эпитетами, которые как нельзя лучше представляют Владикавказ: «Жизнь каждого города в значительной степени обусловлена жизнью окружающей деревни. Мало было основать в дикой местности у подошвы неприступных титанов Кавказа, областной город, надо было из окружающей этот город полного хаоса в жизни местных племен, как результата непрерывной войны, создать еще гражданские условия для мирной культурной работы. Могучий дух Великой Эпохи коренных реформ Величайшего из монархов России своим животворящим духом обвеял Терскую землю. В лучезарном блеске красуются в сердцах сынов Русской земли Государственные акты - Освобождение крестьян, Судебная реформа,

Земское и Городское самоуправление, Военная реформа, общественный долг службы государству, школьная реформа и другие. В Терской области проведены были также большинство этих реформ, а знаменитое землеустройство в плоскостной части Терской области, давшее возможность развития хозяйственным силам края, является памятником широкого законодательного творческого славного царствования, во время которого Кавказ от моря и до моря вошел в состав России» [9].

После текста торжественного обращения к жителям Владикавказа Городской Думой были предложены мероприятия по случаю 50-летия. Город Владикавказ должен торжественно воздать честь и благоговение памяти императора Александра II. Чествование это по предложению Баева должно было выразиться в следующих формах:

- в канун 30 марта отслужить панихиды по бозе почившим Александре II, Великому Князю Михаилу Николаевичу, а так же по умершим деятелям города; 31 марта провести торжественное Архиерейское служение в городском соборе;

- после молебна должен быть дан парад по всему гарнизону г. Владикавказа, возродившемуся из недр боевой крепости. Вечером - торжественное заседание Городской Думы с чтением поздравительных телеграмм;

- вечером обязательная иллюминация города;

- городские увеселительные заведения должны быть закрыты;

- для городских школ 31 марта устроить увеселения в городском театре, синематографах и на Треке;

- возможно, заложить народный парк имени императора Александра II.

Всего выделить на проведение этих мероприятий 80 тысяч рублей. [10]

В Деле о праздновании 50-летнего юбилея г. Владикавказа 31 марта 1911 г. не были забыты и учащиеся. Так, лично по инициативе Г.В. Баева было сделано предписание о назначении стипендии имени императора Александра II во 2-ую женскую гимназию - две в размере платы за право учения, в женской прогимназии таких же 5 стипендий для IV класса и в двух городских училищах по пять стипендий в каждом. Все стипендии должны выдаваться жителям г. Владикавказа [11]. Так же было учреждено три стипендии в ремесленном графа Лорис-Меликова училище: одну имени императора Александра II, 2-ую - Великого князя Михаила Николаевича и 3-ю - Городского головы Ефима Лебедева по 180 руб. каждая для проживающих в городе Владикавказе [12].

Как истинный патриот отечества и гласный Городской Думы Г.В. Баев принимал активное участие в организации помощи раненым. В октябре 1914 года в письме Его Превосходительству г-губернатору Терской области он писал: «Честь имею донести Вашему Превосходительству, что к 25 октября сего года имеется для раненных и больных воинов сто девяносто мест в ведении Городского управления, которые распределяются следующим образом: в городской больнице - 60; лечебнице д-ра Туганова - 15; д-ра Салтыкова - 16; д-ра Митника - 80; д-ра Воронова - 20. Доканчивается оборудование лазарета в 120 кроватей в помещении Владикавказского Общественного собрания, который будет открыт 27-го октября. Спешно идут работы по оборудованию лазаретов в городских зданиях 2-ой женской гимназии на 250 кроватей и в Пушкинском училище на 100 кроватей. Во дворе городской больницы на днях будет закончен отделкой заразный барак на 30 мест, что даст возможность довести число мест в городской больнице в начале ноября до ста кроватей».

Созданная по инициативе Баева Г.В. и его единомышленников городская комиссия о раненных была усиленно занята приготовлением белья, подбором лечебного персонала, приобретением всей необходимой обстановки, а главное - делом организации продовольствия раненных в лазаретах.

Техническое отделение Городской Управы, по предписанию Областного правления составило ведомость всех помещений в городских, общественных и частных заведениях, которые могли бы в известной постепенности подготавливаться для открытия сих лазаретов [13].

Из переписки Г.В. Баева видно, что круг его забот распространялся на транспортные средства. Так на запрос инженера Чарльза г. Стюарта находим, факты, говорящие о владении им ситуации в этой отрасли городского хозяйства: «На письмо ваше из Тифлиса от 4-го окт. сего года (1912 г.) имею честь сообщить следующее: Общество Владикавказских трамваев не публикует своих отчетов и в Городскую Управу по договору не обязано их

представлять. Весьма возможно, что нужные Вам сведения Вы можете получить в Правлении Общества в Париже». Однако, сам голова как рачительный хозяин располагал сведениями о трамвайно-пассажирских перевозках и у него были фиксированы следующие сведения, которые он и сообщил инженеру. В 1910 г. перевезено было пассажиров: в январе – 182 488 чел., в феврале – 152 528 чел., марте – 180 470 чел., апреле – 199 905 чел., мае – 204 534 чел., июне – 198 158 чел., июле – 233 714 чел., августе – 247 694 чел., сентябре – 234 033 чел., октябре – 228 953 чел., ноябре – 208 381 чел., декабре – 235 080 человек. Всего – 2 505 938 человек. За первую половину 1911 г. перевезено пассажиров приблизительно – 1 400 000 человек, вторую – 1 600 000 человек. В первой половине 1912 г. услугами трамваев воспользовались – 1 700 000 человек, во второй – 1 655 000 человек» [14].

Велся и учет электричества. Так в отчетах Баев Г.В. записал, что энергии на станции выработано: в августе 1910 г. – 92 724 кв. ч., 1911 г. – 105 078 кв. ч. [15].

В поле зрения Г.В. Баева находились вопросы благоустройства города. Инспектирование города в 1890 году показало грязную базарную площадь Владикавказа, на которой не устроены стоки, которые загрязняют воздух. В городе отсутствуют водостоки [16]. Поэтому, Г.В. Баев решил приложить все усилия, что бы город имел respectable вид: свои учебные заведения, здание мэрии, чистый и современный крытый базар с аккуратными торговыми рядами, благоустроенный Александровский проспект, здание почты и телеграфа.

Постройка этих объектов требовала немалых денежных средств, которых Городская Дума не имела. Тогда в июле 1912 года Баев обратился с просьбой о займе. Благодаря покровительству Наместника на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова, поднятый в конце 1909 г. вопрос первостепенной важности в жизни Владикавказского городского управления о первом долгосрочном крупном займе в сумме 710 000 рублей получил благоприятное разрешение. 16 мая 1912 г. Совет Наместника, заслушав доклад финансового Отделения Канцелярии Наместника по этому делу, мою последнюю просьбу (Баев), обращенную к Наместнику и лично доложенную ему 16 апреля этого года в Тифлисе, общее заключение по этому вопросу Управляющего Финансовым Отделением за Директора Канцелярии Егермейстера Н.Ф. Джунковского, постановил разрешить городу заем в сумме 800 000 рублей. 25 мая постановление Совета было утверждено и.д. Наместника генералом от инфантерии Шатиловым [17].

Баев считал, что теперь после получения ссуды Городскому Общественному Управлению и городским деятелям открыт ныне широкий путь для скорого осуществления всех почти многолетних благих пожеланий на пользу нашего прекрасного города. От слов и рассуждений возможно перейти к широкому практическому осуществлению назревших вопросов в жизни большого города только путем разумно проведенных городских займов. Городское самоуправление может обогатиться достойными его сооружениями, имеющими цель – поднятие материальной и духовной культуры нашего города. Наш город имеет все данные к тому, чтобы сделаться одним из прекраснейших городов Империи.

Это большое дело, потребовавшее огромных затрат времени, труда и борьбы стало лучшим украшением из деятельности Городской Думы, созыва 1908-1912 гг., столь много сделавшего для города во всех сферах и областях городского самоуправления [18].

Баев Г.В. имел предпринимательское мышление и чутье, обладал знаниями в области экономики. Так, в выписке из журнала Совета 18 мая 1912 г. находим его запись, что все вопросы о назначении займа продуманы и разработаны городским управлением, которые, с одной стороны, крайне необходимы для города, а с другой – являются доходными предприятиями. Причины:

- антисанитарное состояние теперешнего базара и его разваливающиеся примитивно устроенные лавки в целях народного здоровья требуют немедленного устройства Базарной площади;

- постройка школьных зданий вызвана введением в городе всеобщего обучения, которое по последнему школьному закону налагает на город производство известных затрат на оборудование помещений для школы;

- покупка земель обусловлена нуждою в них горожан, из которых половина занимается земледелием и разведением молочного скота и крайнею выгодностью этого предприятия для города по местным арендным ценам на земли; смело можно утверждать, что

затраченные на покупку земель 100 000 рублей через несколько лет обратятся в 200 000 руб.;

- для сравнения ценности земель Владикавказа можно указать, что земельными банками десятина земли в городе Грозном оценена в 300 рублей, а во Владикавказе в 600 рублей; город уже много потерял, пропустив несколько случаев выгодных покупок земель [19].

Баев Г.В. изыскал и обосновал теоретическую и практическую возможность для постоянного пополнения городской кассы финансовыми средствами. Согласившись с доводами Баева Г.В., Городская Дума признала необходимость постройки доходного дома на Александровском проспекте настоятельной по следующим обстоятельствам: у города в самой лучшей его части имеется свободный участок земли, приносящий ныне доход. Продажа его была бы не в интересах города, т. к. деньги, в виду финансового положения города были бы немедленно израсходованы и он лишился бы в будущем большого источника доходов, поэтому Городская Дума решила в виду очень высоких арендных цен на помещения в этом центральном месте города выстроить дом, который даст ему постоянный все возрастающий источник доходов. На занятие помещений в случае постройки дома у города уже имеется много предложений от крупных фирм и других лиц; между прочим, город вошел уже в соглашение с почтово-телеграфным ведомством о постройке на этом месте здания для местной почтово-телеграфной конторы [20].

По изложенным соображениям Совет постановил: разрешить городу Владикавказу заключить в одном из земельных банков или иных кредитных учреждениях под залог предположенного им участка городской земли в сумме до 800 тысяч рублей, из которых средства будут потрачены на:

1. На постройку крытого рынка – 200 тысяч рублей.
2. На постройку городского дома на Александровском проспекте - 250 тысяч рублей.
3. На постройку двух корпусов торговых рядов – 80 тысяч рублей.
4. На постройку городских училищ – 80 тысяч рублей.
5. На покупку земель – 100 тысяч рублей.
6. На потери при реализации займа и на платежи по займу за первый год – 90 тысяч рублей [21].

При производстве заказов материалов за счет выручки от займов было отдано предпочтение отечественным заводам и материалам отечественного происхождения, с допущением, с разрешения Наместника Его Императорского Величества на Кавказе. Исключение составляли материалы, которые в России не производились [22].

Баев обращал внимание на чистоту улиц, отсутствие тротуаров, мощенных дорог в городе, что в различные времена года вызывало неудобства для передвижения горожан. Он писал, что «...город растет быстро, замощение его запущено до крайности, не смотря на то, что ни один из городов России не имеет такой возможности быстро замоститься из края в край, так дешево, как наш город, благодаря исключительным условиям дешевизны и обилию камня: тот булыжник, который мы покупаем по 5-ти рублей, за куб. сажень (для сравнения) Харьков приобретает по 75 рублей за куб., сосед наш город Грозный – по 25 рублей» [23].

Баева Г.В. до глубины души волновала картина полной запущенности строительного дела, большинства отраслей городского хозяйства, и в особенности дела внутреннего благоустройства города. Никакой солидной программы, которой можно было бы руководствоваться городскому общественному управлению, для этого не выработано. «Мы загромождаем свою работу мелкими вопросами и делами, оставляя все время без разрешения самых жизненных задач», - отмечал градоначальник [24].

Занимаясь публицистикой, Гаппо Баев много читал и изучал развитие городов за границей. Его интересовали вопросы земельной политики городов. В своих рекомендациях он пишет, что «земельная политика городов в настоящее время прекрасно изучена и получила прочное основание в трудах городских деятелей на западе. Там города по возможности стараются сохранять в своей собственности земельные участки, сдают целые кварталы пол застройку на правах долгосрочной аренды, сохраняя за собой право собственности. С течением времени, когда сданные в аренду кварталы приводятся в полное

благоустройство и густо заселяются, то производятся отчуждения за цену, в десять раз большую, чем в то время, когда там были пустыри» [25].

Проблема урбанистики начала XX века находит отражение в положении дел в современном Владикавказе. Гаппо Баев указывает, что политика распродажи земель сплошными кварталами, которая практиковалась в прежние годы, причинила уже существенный и громадный ущерб не только делу городского благоустройства, но главным образом, печально отразится на финансах города в будущем и приведет к хроническим дефицитам.

Единственным источником исправить ошибки крайне нехозяйственного ведения городской финансовой политики, по мнению Баева, являлась необходимость крупного займа. Он предлагал воспользоваться тем же орудием прогресса, благодаря которому частные лица, общества, компании и союзы создают из ничего самые грандиозные доходные предприятия, которые не только окупают и погашают затраченные на них существенные капиталы, но и служат источником широкого обогащения их владельцев. Необходимо прибегнуть к помощи кредита, который дал бы небывалый размах промышленной деятельности вообще; а в том числе и городской работе по строительству и по благоустройству, в частности [26].

Эти займы, по рекомендации Баева, необходимо произвести, прежде всего, для создания доходных предприятий, способных не только погашать проценты на затраченный капитал, но и приносить крупный доход в городскую кассу, а вслед за тем, возможно, будет постепенно совершать займы и на менее доходные предприятия, отчасти совершенно необходимые в смысле получения прямого дохода в городскую кассу, но имеющие крупное значение в деле внутреннего благоустройства города и давно требующие своего удовлетворения.

К первой группе строительных объектов, способных выступать в качестве источника городских доходов Баев отнес:

1. Крытый рынок с магазинами на Базарной площади - 200 тысяч рублей.
2. Городской дом на Александровском проспекте - 200 тысяч рублей.
3. Двадцать лавок мелких по бульварам, садам, скверам, у мостов - 100 тысяч рублей.
4. Расширение городской скотобойни - 30 тысяч рублей.
5. На покупку окружающих город земель частных лиц - 100 тысяч рублей.

Ко второй группе:

1. Постройку двух постоянных мостов - 100 тысяч рублей.
2. Расширение санитарного обоза одновременно - 20 тысяч рублей.
3. На школьные здания - 200 тысяч рублей.
4. Замошение улиц, площадей, завоевание русла Терека, места от кладок до деревянного моста, на осушительные работы, на устройство городских питомников, оранжерей, садов, скверов, съемку города - 1 млн. рублей.

Третья группа:

1. Городской театр и народный дом - 200 тысяч рублей.
2. На канализацию первой очереди - 200 тысяч рублей.

Обобщая свои предложения, Баев записал, что жизнь выдвигает все новые задачи, более серьезные, как это показывает нам жизнь и работа далеко ушедших вперед городов нашего отечества, Европы, и в особенности Америки [27]. На выполнение этой программы Баев отводил 10 лет.

Баев был дипломированным юристом и хорошо знал законы, на которые он ссылался в своей работе, указывая, что Циркуляр МВД от 22 октября 1896 года за № 44 прямо рекомендует заключение городами займов на доходные хозяйственные мероприятия и обещает содействовать их разрешению [28].

Гаппо Баев объясняет положительные и отрицательные моменты банковских кредитов. Он указывает, что источниками займов у русских городов являются за последнее время заграничные банки, главным образом Парижский и Лондонский рынки, которые финансируют крупнейшие займы в миллионы и десятки миллионов. Условия реализации таких займов всегда сопряжены с довольно тяжелыми потерями на курс для города, с обычною для нас волокитой по переписке с уплатой крупных комиссионных, заключаются

они на крайне ограниченный срок от 6-ти до 12-ти и не более 24-х лет. Такой срок крайне ограничен при создании крупных доходных статей и стеснителен во всех отношениях.

По Городовому Положению, изданному в 1908 году, помещены 95 правительственных разрешений разным городам на заключение облигационных займов, которые главным образом предназначаются на производственные расходы. В большинстве случаев перечисляются: городские водопроводы, электрическое освещение, трамваи, устройство портов, скотобоен, крытых рынков и разного рода городских домов, в нескольких случаях займы были разрешены на сооружение зданий городского театра, городской мельницы и городского кирпичного завода, на открытие городских ломбардов и городских банков, на образование фонда городского общества взаимного от огня страхования недвижимых имуществ, на устройство аукционного зала, школьных зданий. Займы разрешалось брать на мощение улиц, на дороги и мосты [29].

Большое внимание уделял Баев вопросу озеленения города. Причем, в большем количестве он предлагал высаживать плодовые деревья. В составленном им списке с перечнем плодовых деревьев, находим данные им характеристики. Так сорт Winter Citronen был рекомендован для стола – употребления в пищу и заготовки. Баевым описан и цвет зрелого плода – желтоватый. Другой сорт яблок называется по латыни Ananas Reinette, имеет в спелом состоянии золотисто-желтый цвет, мог употребляться и для стола и компота. Для ароматного и полезного консервирования и для стола Баев предлагал сорт Gold Reinette. Зеленовато-желтые плоды сорта яблок Poraddick, Nonpareil – для еды и стола, торговли. Всего к началу XX века в городе Владикавказе выращивалось яблок 60 сортов, которые делились на карликовые, пирамидальные, выносливые; груши – 73 сорта; слив – 30 сортов; вишни – 17; абрикосов – 19; персиков – 35 [30].

Читая качественные характеристики фруктов, возникает уверенность в большом желании автора ознакомить население с плодовыми культурами, сделать питание и ежедневный рацион богатым витаминами, приобщить население города и края через знакомство с агрокультурами к сельскохозяйственным занятиям, вовлечь в торгово-рыночные отношения и поправить материальное положение населения.

События 1917 года, связанные с изменением общественно-экономического уклада России заставили Г.В. Баева покинуть родину. Остальную часть жизни он провел в эмиграции в Париже. Остается только предполагать, сколько нужного и полезного для Владикавказа и Осетии смог бы сделать яркий представитель осетинской интеллигенции – Георгий Васильевич Баев.

Заключение

В качестве существенного момента отметим, что с развитием капиталистических отношений в обществе стал наблюдаться рост национальной интеллигенции. Особенно возросла ее роль в общественной жизни в городах Терской области. Именно эта группа к началу XX века становится локомотивом в трансформации рассматриваемых сторон общественного городского быта, задавая границы инноваций и обеспечивая их внедрение.

Примечание:

1. ЦГА РСФСР – А. Ф.224. Оп.1. Д. 151. Л.23.
2. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Фонд. 224. Опись.1. Дело.160. Лист.1.
3. ЦГА РСФСР – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л.1 об.
4. ЦГА РСФСР – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л.10 об.
5. Блейх Н.О. Социокультурная парадигма становления просветительства на Северном Кавказе (монография) // Под ред. докт. соц. наук, проф. Р.Э. Кесаевой, Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2008. С. 267.
6. ЦГА РСФСР – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л.1 об.
7. ЦГА РСФСР – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л.5 об.
8. ЦГА РСФСР – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л.6.
9. ЦГА РСФСР – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л.6.
10. ЦГА РСФСР – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л.11.

11. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л.14.
12. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л. 16 об.
13. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л. 14 об.
14. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л. 14.
15. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л. 15.
16. ЦГА РСО – А. Ф. 12. Оп.7. Д.423. Л.28.
17. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л. 18.
18. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л. 19.
19. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л. 19 об.
20. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л. 19.
21. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л. 20.
22. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л. 19.
23. ЦГА РСО – А. Ф. 224. Оп.1. Д.160. Л. 20.
24. ЦГА РСО – А. Ф. 224. Оп.1. Д.160. Л. 21.
25. ЦГА РСО – А. Ф. 224. Оп.1. Д.160. Л. 21 об.
26. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д.160. Л. 22.
27. ЦГА РСО – А. Ф. 224. Оп.1. Д.160. Л. 22.
28. ЦГА РСО – А. Ф. 224. Оп.1. Д.160. Л. 22 об.
29. ЦГА РСО – А. Ф. 224. Оп.1. Д.160. Л. 23.
30. ЦГА РСО – А. Ф.224. Оп.1. Д. 151. Л.23 об.

References:

1. TsGA RSO - A. F.224. Op.1. D. 151. L.23.
2. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya. Fond. 224. Opis'.1. Delo.160. List.1.
3. TsGA RSO – А. F.224. Op.1. D.160. L.1 об.
4. TsGA RSO – А. F.224. Op.1. D.160. L.10 об.
5. Bleikh N.O. Sotsiokul'turnaya paradigma stanovleniya prosvetitel'stva na Severnom Kavkaze (monografiya) // Pod red. dokt. sots. nauk, prof. R.E. Kesaevoi, Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2008. S. 267.
6. TsGA RSO – А. F.224. Op.1. D.160. L.1 об.
7. TsGA RSO – А. F.224. Op.1. D.160. L.5 об.
8. TsGA RSO – А. F.224. Op.1. D.160. L.6.
9. TsGA RSO – А. F.224. Op.1. D.160. L.6.
10. TsGA RSO – А. F.224. Op.1. D.160. L.11.
11. TsGA RSO – А. F.224. Op.1. D.160. L.14.
12. TsGA RSO – А. F.224. Op.1. D.160. L. 16 об.
13. TsGA RSO – А. F.224. Op.1. D.160. L. 14 об.
14. TsGA RSO – А. F.224. Op.1. D.160. L. 14.
15. TsGA RSO - А. F.224. Op.1. D.160. L. 15.
16. TsGA RSO – А. F. 12. Op.7. D.423. L.28.
17. TsGA RSO - А. F.224. Op.1. D.160. L. 18.
18. TsGA RSO - А. F.224. Op.1. D.160. L. 19.
19. TsGA RSO - А. F.224. Op.1. D.160. L. 19 об.
20. TsGA RSO - А. F.224. Op.1. D.160. L. 19.
21. TsGA RSO - А. F.224. Op.1. D.160. L. 20.
22. TsGA RSO - А. F.224. Op.1. D.160. L. 19.
23. TsGA RSO - А. F. 224. Op.1. D.160. L. 20.
24. TsGA RSO - А. F. 224. Op.1. D.160. L. 21.
25. TsGA RSO - А. F. 224. Op.1. D.160. L. 21 об.
26. TsGA RSO - А. F.224. Op.1. D.160. L. 22.
27. TsGA RSO - А. F. 224. Op.1. D.160. L. 22.
28. TsGA RSO - А. F. 224. Op.1. D.160. L. 22 об.
29. TsGA RSO - А. F. 224. Op.1. D.160. L. 23.

30. TsGA RSO - A. F.224. Op.1. D. 151. L.23 об.УДК 63.3 (2 Рос. Сев.)

УДК 94(470.65)

**Георгий Васильевич Баев – выдающийся общественный деятель
дореволюционной Осетии**

¹ Алла Асланбековна Бесолова

² Сослан Эльбрусевич Бесолов

¹ Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Российская Федерация

362043, РСО-А, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

Кандидат исторических наук, доцент

² Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Российская Федерация

362043, РСО-А, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

Ассистент

E-mail: besolov_soslan@mail.ru

Аннотация. В статье на основе впервые опубликованных архивных материалов представлена характеристика выдающегося общественного деятеля дореволюционной Осетии – Георгия Васильевича Баева. Доказано, что Гаппо Баев являлся ярким общественным деятелем, просвещенным интеллигентом, адвокатом и администратором, литературоведом и критиком, просветителем, собирателем осетинского фольклора. Баев Г.В. запомнился современникам как человек высокой культуры. Он являлся инициатором многих прогрессивных начинаний, собирая вокруг себя многонациональную интеллигенцию. Особенно прославился Г.В. Баев на посту мэра города Владикавказ. Делаются выводы, что предложенная в начале XX века Г. Баевым комплексная программа развития города опередила свое время и является примером созидательного гражданского отношения в обществе.

Ключевые слова: комплексная программа, мэр, благотворительное общество, кредиты (заем), Терская область, форштат.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

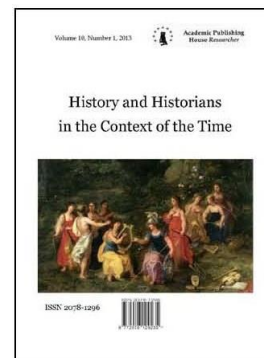
ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

Vol. 15, Is. 2, pp.74-81, 2015

DOI: 10.13187/hhct.2015.15.74

www.ejournal3.com

UDC 74.03

The Basis of the Material Culture of the Highlanders Military Time (Weapons and Fortifications)

Nadezhda O. Bleikh

North Ossetian State University of name K.L. Khetagurova, Russian Federation
Dr. (History), Professor
E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Abstract

On the basis of underutilized documentary material in the article analyses the role of material culture of the highlanders wartime (XIII - XVIII centuries), includes weapons and defensive structures. It says that all Caucasian people have thought through a clear system of defense against not only external enemies, but also his countrymen, encouraged by the raids of the feudal elite, need, and personal prowess. So there in the Caucasus almost none of the village, above the buildings which did not dominate combat or residential towers, and on the adjacent territory had defensive walls and customs gate, the cave (rock) fortifications and fortresses, castle complexes of the type. It is proved that the fortification culture of the Caucasian peoples had their characteristic genetic link with empirical housing and therefore was an all positive achievements of ethnic architecture. It is his creative activity, vividly reflected in the monuments of history and culture lived in the territory of the peoples.

Keywords: battle towers, mountain peoples of the Caucasus, North Caucasus region, creative activities, cave fortifications, fortified culture, ethnic architecture.

Введение

Начиная с XIII и вплоть до XVIII века включительно, в истории всех северокавказских народов наблюдается коренная трансформация этнической карты региона, обусловленная в первую очередь, мощными внешнеполитическими и глубокими социально-экономическими факторами. К ним относятся агрессивные устремления заморских владетелей Турции, Крыма и Ирана, нашествие татар, завоевания Тимура, экспансия ногайских орд, пришествие адыгских народов, установивших контроль над обитателями горских территорий Центрального Предкавказья, межплеменная рознь и внутренние смуты самих кавказцев, порожденные борьбой за власть. Все это становится основной сутью кавказской политики, построенной на диктате сильных, порабощении и истреблении слабых. В этих условиях у горцев действительно возникает необходимость создания разнообразных оборонительных сооружений, предназначенных для защиты жизни и имущества как отдельных семей, так и целых обществ.

Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи сформировали *малоупоминающиеся материалы по истории Кавказа древних авторов* (Ибн Русте, М. Каганкатвази, П. Закарая, Эвлия Челеби и др.); *публицистические работы современных ученых* (А.Ф. Гольдштейна, Е.Н. Крупнова, И.М. Мизиева, М.Б. Мужухоева, Н.Е. Урушадзе и др.); *фольклорные материалы* (песни Илли).

Методологическая база исследования была сформирована за счет историко-сравнительного, структурного, абстрактно-логического методов исследования. Каждый из них имел свою область применения и сыграл важную роль в обработке, систематизации и обобщении исследуемого материала. Так, *историко-сравнительный метод* позволил проанализировать сопоставимые факты и на этой основе выявить как закономерности, так и особенности выявления материальной культуры горцев времен Военного времени, представленного фортификационными сооружениями и оружием всех видов. *Метод структурного анализа* необходим для изучения сложных структурных компонентов, не расчлняя их на отдельные составляющие элементы. *Абстрактно-логический метод* представил возможность обобщения, синтеза и интеграции выводов по теме статьи в целом.

Обсуждение

Сама фортификационная культура кавказских народностей имела своей особенностью генетическую связь с эмпирикой жилищного строительства и потому являла собой все позитивные достижения этнического зодчества. Прежде всего она была представлена обилием оборонительных памятников, сосредоточенных в Южной и Северной Осетии, Чечне и Ингушетии, Балкарии и Карачае, Дагестане и Грузии. Некоторые из них возводились еще в глубоком средневековье, потому сами автохтонные народы на протяжении столетий следили (по возможности) за их состоянием, время от времени подновляя и продолжая использовать в военных целях. Согласно сведениям арабских авторов, в Серире, Лакзе, Хамзине и др. «царствах» имелись крепости или замки. До нас дошло описание (X в.) одного из «замков» царя Серира: «Этот замок находится на вершине горы, он имеет четыре фарсага в длину и столько же в ширину и окружает его стена из камня» [1]. Большие размеры замка позволяют заключить, что речь идет о целой системе оборонительных сооружений.

Одним из замечательных памятников периода раннего средневековья являются дербентские сооружения, состоящие из нескольких параллельно идущих стен. Они запирали Дербентский проход с запада на восток. Одним своим краем стены уходили в морской залив, где образовали своеобразную гавань, закрытую горной цепью. Эти укрепления вместе с многокилометровой цепью оборонительных сооружений составили единый комплекс защиты со стороны гор [2].

До нас дошли различные описания строительной технологии дербентских фортификационных сооружений, оставленные арабскими историками. Так, Ибн-ал-Факих свидетельствовал о знаменитой стене дербентской, которая была представлена тесаными камнями четырехугольной формы, скрепленными между собой железными болтами. Автор восторгается фортификационным искусством горцев, так как «пять десятков человек не могли приподнять один такой камень». Путешественник Хиляс ас-Саби обращает внимание на воротах из железа и стене, в которой располагались в симметричном порядке камни, в каждом из которых имелось по два отверстия для нахождения железной палки, облитой свинцом» [3].

Монументальные сооружения Дербента – продукт не одного года и не одного десятилетия. Они неоднократно разрушались. В строительстве этих укреплений участвовали многие кавказские народы. Об этом факте свидетельствует Моисей Каганкатвази: «...персидские цари на строительстве дербентских стен изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы» [4]. В строительстве дербентских стен воплотились лучшие строительные традиции северокавказских горцев.

Остальная часть упомянутых сооружений появилась уже в послемонгольский период и связана с историей конкретных этносов и различных социальных групп населения. Так, были построены крепости и замки в 1241 г. в агульском сел. Рича [5], в лезгинском селе

Ахты [6]; в XVI – XV вв. в устье р. Годлик на Черноморском побережье, в 1432 г. в сел. Цахур в Южном Дагестане [7], в 1443-1446 гг. в гор. Тамани [8], в 1519 г. в гор. Темрюке [9], в 1369 г. в даргинском сел. Муги [10], в XIV в. в лезгинском сел. Хоредж [11], в XVI в. в даргинском сел. Ицари [12] и др.

Северокавказские народы продумали четкую систему защиты от нападений не только пришлых издалека врагов, но и своих соплеменников, поощрявших к набегам феодалами, нуждой, личной удалью. Поэтому нет на Кавказе почти ни одного селения, над строениями которого не доминировали бы боевые или жилые башни. Пещеры и скальные гроты использовались для создания как простейших по своей архитектуре укреплений, так и настоящих крепостей (Нузал, Урсмдон, Дзивгис). На подступах к селениям, на удобных для наблюдения высотах, сооружались сторожевые башни: с них дозорные передавали сигнал тревоги односельчанам. В ряде стратегически важных мест ущелья перегораживались заградительными стенами и заставами, защищавшими перевальные пути в Закавказье.

Таким образом, все фортификационные сооружения Кавказа можно классифицировать следующим образом: заградительные стены и таможенные заставы, пещерные (скальные) укрепления и крепости, комплексы замкового типа («галуаны» – осет., «гIал» - кубач., «къали» - дарг., «квал» - лезг., «галай-чуэ» - инг.), боевые, жилые и полубоевые башни. Следует отметить, что в данной статье мы не рассматриваем проблемы строительства горского жилища, поскольку это в известной мере выходит за рамки исследуемой темы. Здесь же отметим, что обыкновенно фортификационные сооружения располагались в комплексе с бытовыми и жилыми постройками, которые так же были приспособлены для оборонительных нужд

Говоря о башенных сооружениях горного Кавказа, проф. Г.А. Кокиев неоднократно подчеркивал, что возникли они «на почве одинаковых социально-экономических условий, в которых, по-видимому, находилось на протяжении веков большинство кавказских горцев». Он же впервые выдвинул тезис о том, что внутри общекавказской строительной культуры башенных построек имеются свои чисто национальные (локальные) отличительные признаки. Данный тезис представляется особенно важным, поскольку по словам исследователя, «ни в чем не выражается так полно душа народа, как в созданиях его искусства. Народ может заимствовать у соседей орудия для разных работ, научные сведения, политические и общественные установления. Но искусство всегда национально. Даже подражая, народ берет из чужих произведений то, что отвечает его вкусу, его уровню развития» и создает творения, живущие веками» [13]. Этот тезис был впоследствии развит Е.И. Крупновым [14], В.И. Марковиным [15], Н.Е. Урушадзе [16], И.М. Мизиевым [17], М.Б. Мужухоевым [18], А.Ф. Гольдштейном [19] и другими исследователями, изучавшими материальную и духовную культуру горцев.

Вместе с тем невозможно не обратить внимания на то, что сходных черт в архитектуре башенных построек горного Кавказа выявлено отнюдь не меньше, чем отличительных и поэтому часто встречающиеся в современной научной литературе рассуждения о самобытности (уникальности) тех или иных разновидностей интересующих нас памятников нуждаются в более строгой аргументации. По справедливому замечанию исследователя С.О. Хан-Магомедова, национальные особенности архитектуры должны прежде всего «гармонично сочетаться с удовлетворением материальных потребностей народа, правильным учетом природно-климатических и бытовых местных условий, достижениями строительной техники» и эстетическими идеалами. Будучи присущими архитектуре конкретного народа, особенности эти отражают и психический его склад» [20]. В то же время, как уже говорилось, в культуре любого народа проявляются и интернациональные (общечеловеческие) черты, сближающие ее с культурой других этносов, и именно они в силу целого ряда исторических и прочих условий получают преимущественное развитие. В свете высказанных положений мы и хотели бы остановиться несколько подробнее на общих закономерностях развития башенной архитектуры, на том, что объединяет, а не разъединяет культуры кавказских народов, хотя в ходе изложения нам придется высветить и некоторые частные (локальные) вопросы.

Специфичность архитектурных строений у всех кавказских народностей заключалась в её конструктивности, простоте природных строительных материалов, умелом использовании последних зодчими, научившимися создавать из них своеобразные сооружения. Вековая монументальность и способность воздействия на людей

обуславливались структурной логичностью построек и применяемыми к ним конструктивными решениями. Издали стены боевых башен воспринимались несокрушимым монолитом, вблизи это впечатление еще более усиливалось, ибо упрятанные в каменную твердь и почти неразличимые извне бойницы не нарушали целостности восприятия, не разрывали кладку на части. Этот факт отмечал осетинский поэт Юрий Боциев в поэме «Город на Тереке»:

...Ушел народ, ушел от рабства и пять веков молчал в горах.
Отгородился он от мира и не испытывал судьбы.
Стояли грозно башни Ира, наморщив каменные лбы... [21]

Право сооружать боевые башни принадлежало исключительно знатным («сильным») родам или фамилиям. Зависимым от феодалов родам на постройку башни требовалось особое разрешение, которое можно было получить у владельцев на определенных условиях.

Нижний этаж боевых башен использовался как хозяйственное помещение или как камера для пленников, но зачастую он засыпался землей и камнями, чтобы создать дополнительные трудности в случае осады неприятелем. Единственный вход в башню устраивался на уровне второго яруса. Стены абсолютного большинства боевых башен прорезаны узкими бойницами, над ними были сделаны навесные балкончики – машикули, которые предохраняли от попадания шальной пули.

Говоря об особенностях башенных построек Северного Кавказа, необходимо отметить, что почти все осетинские и частично чеченские башни были плоскостельными и этим они напоминали аналогичные сооружения Грузии [22]. Однако в самой Грузии и соседней с ней Балкарии строились башни с двухскатными кровлями.

В фольклоре кавказских народов в той или иной степени отразились предания о строительстве оборонительных сооружений. Возведение их сопровождалось разными по своему характеру обрядами (в зависимости от вероисповедания), которые, по представлениям наших предков, должны были обеспечить неприкосновенность жилища и всего, что в нем находится. С сожалением приходится констатировать, что часть этих фольклорных источников не сохранилась до наших дней, однако, учитывая культурно-историческую близость кавказских народов, можно с известной осторожностью экстраполировать содержащиеся в их эпосе, сказках, исторических песнях сведения на определенные явления, имевшие место в реальной действительности. Ниже мы приводим сокращенный вариант вайнахской песни о строительстве боевой башни – воув, поскольку она, на наш взгляд, в полной мере отражает не только производственный процесс, но и социально-идеологические представления северокавказских горцев независимо от их этнической принадлежности:

«...Трижды землю поили молоком, трижды срывали грунт,
И только когда земля отказалась пить, положили первые камни;
Восемь огромных глыб, образующих углы воув,
И был каждый камень ценою равен быку, а весом - восьми быкам.
Их привезли с вершины горы, взявши из-под голубого льда...
Каждый камень везли двенадцать быков, ломая копыта от напряжения,
Каждый камень тесали двенадцать дней четыре камнетеса,
И стальные тесла крошились у них, будто сделанные из липы...
Двадцать тесел каждый каменотес сломал о ребра камней,
И камни стали ровны, как стекло, и приняли нужный вид!..
Тогда четыре, как горы, седых старика осмотрели и ощупали их,
И каждый сказал: «Теперь хороши, ни порока, ни трещины нет!»
И каждый сказал: «Воув будет крепка, как наши горы крепки,
И будет стоять во веки веков, как мир во веки веков стоит!..
И каждый сказал: «Мы землю здесь поили густым молоком,
А камни эти, чтоб были крепки, напоим горячей кровью, -
Пусть свяжет кровь четыре угла, как род наш кровью связан,
И этой связи не сокрушат ни смерть, ни вечное время!» [23].

Подавляющее большинство обследованных специалистами северокавказских боевых башен независимо от их облика и формы перекрытия имело приспособления для огневого, а не лучного боя. Бойницы башен представляли собой узкие сквозные отверстия (одинарные, двойные, изредка и тройные), устроенные в специально предназначенных для того нишах, в количестве от 3 до 6 на каждом этаже. Располагались они с учетом наиболее полного кругового обзора прилегавшей к башне местности и имели самое разнообразное направление, чаще всего вниз или в сторону. Размеры ниш были настолько малы, что в них при всем желании не втиснулось бы плечо стрелка-лучника, как то предполагал Х.Д. Ошаев [24]. Для лучшего боя в старину устраивались амбразуры пошире; засвидетельствованы они в некоторых башнях Дагестана, Северной Осетии и горной Грузии. Подобных амбразур в башенных постройках Чечни и Ингушетии пока не обнаружено, ибо здесь было принято вести стрельбу из луков с верхней боевой площадки.

Как считают исследователи (Е. Крупнов, П. Закарая, В. Виноградов, Д. Чахкиев, Р. Даутова, В. Калинин и др.), появление оконных амбразур, предназначенных для огневого боя, объективно было связано с распространением на Северном Кавказе огнестрельного оружия (в XVI – первой трети XVII в.) [25], хотя первое знакомство с ним, несомненно, произошло у горцев гораздо раньше. По крайней мере, по грузинским источникам, уже в 1488 году осадившие Коджорскую крепость иранские войска «стреляли из ружья»; в 1536 году в междоусобных войнах имеритинских феодалов вооруженные «ружьями и большими пушками» турки оказывают помощь одной из группировок; в конце XVI столетия огнестрельное оружие имелось и у грузинского войска [26]. В начале XVII века русские путешественники, направлявшиеся в Грузию через Ингушетию, зафиксировали у «горских и турецких людей пищали и луки, и сабли, и копьё» [27]. Этот же факт подтверждают в 1604 году русские послы, которые жаловались, что на них напали «горские люди с огненным боем... те люди приходили из гор калканцы (т.е. ингуши – Н.Б.)» [28]. Любопытно, что и в дигорских мистических преданиях о Баделе, датируемых рубежом XV–XVI веков, упоминается ружье, наводящее «панический страх» на врага [29].

Мы не знаем, какие именно системы огнестрельного оружия бытовали у горцев до превращения их в так называемые «горские ружья» XVII – XVIII столетий, но то, что они сосуществовали с луками и стрелами, ни у кого сомнений не вызывает. Бесспорен и тот факт, что последние являлись отмирающим (пусть медленно, но неуклонно) видом вооружения, которое уже не могло существенно повлиять на архитектуру башен «периода расцвета строительства» (по В.И. Марковину). Напротив, горцам приходилось учитывать новые веяния в фортификационном искусстве, вооружаться и быть готовыми к отражению любой агрессии.

Помимо стрелкового оружия у кавказцев обычным вооружением были кинжал и сабля. Широко использовались ими дротики, луки и стрелы, копьё, пращи, луки для метания камней, боевые топоры. Как защитное вооружение горцы использовали панцири, кольчуги, шлемы, щиты, которые генетически перешли от алан и сохранились у них до наших дней. Так, еще в первой половине XIX в. Клапрот, посетивший осетин, проживающих в верховьях р. Терек, писал, что они «пользуются еще щитами овальной формы, сделанными из твердой кожи или дерева и снабженными железными обручами и головками гвоздей; длина его редко превышает 1 фут» [30]. Стрельба из лука, широко известная у горцев, вошла позже в состав детских игр, и бытует до сих пор в горах Осетии.

Заключение

Суммируя всё вышеизложенное, мы приходим к выводу, что период расцвета северокавказской башенной культуры приходится на XVI–XVII и частично XVIII века, а не на XV–XVII столетия, как о том писал известный археолог В.И. Марковин. Думается, к этому же времени относятся и так называемые полубоевые башни, синтезировавшие черты жилых и боевых башен и основная масса гулуанов-замков, включавших в себя оба типа построек. Это, конечно, не означает, что на Северном Кавказе не было более ранних замковых комплексов, но мы говорим преимущественно о тех из них, которые появились в эпоху огнестрельного оружия, характеризовавшуюся феодальными смутами, раздробленностью горских обществ, противостоянием вражеским нашествиям и, несмотря ни на что,

созидательной деятельностью, красочно отразившееся в памятниках истории и культуры населявших край народов.

Примечания:

1. Ибн Русте. Из книги драгоценных камней. Пер. с арабского Н. Караулова //СМОМПК, № 32, 1903. С. 42-47.
2. Пахомов Е.А. Крупнейшие памятники Сасанидского строительства в Закавказье //СА. № 8. 1946. С. 13-19.
3. Бартольд В. Новое известие о стенах Дербента. М., 1893. С. 34.
4. Каганкатвацци М. История Агван. СПб., 1861. С. 15.
5. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1980. С. 74.
6. Там же. С. 86.
7. Там же. С. 93.
8. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979. С. 44-46.
9. Там же. С. 48.
10. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1980. С. 231.
11. Хан-Магомедов С.О. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана //Архитектурное наследство, 1958. № 11. С. 52-54.
12. Гольдштейн А.Ф. Башенные сооружения горного Дагестана //Архитектурное наследство, 1958, № 11. С. 180-184.
13. Кокиев Г.А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии //ИЮОНИИ. Сталинир, 1935. Т. 2. С. 87.
14. Крупнов Е.Н. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. С. 123.
15. Марковин В.И. Дорогами и тропами Дагестана. М.: Искусство, 1976. С. 243.
16. Урушадзе Н.Е. К семантике прикладного искусства древнего Кавказа и Закавказья //СА, 1979. № 1. С. 54-70.
17. Мизиев И.М. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна //Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963. С. 17.
18. Мужухоев М.Б. К истории позднесредневекового зодчества Центрального Кавказа //Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984. С. 94-106.
19. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М.: Советский художник, 1977. С. 212.
20. Хан-Магомедов С.О. Лезгинское народное творчество. М.: Наука, 1969. С. 169-170.
21. Ардасенов Х. Очерк развития осетинской литературы. Орджоникидзе, 1959. С. 84.
22. Закарая П. Древние крепости Грузии. Тбилиси: Мерани, 1969. 314 с.
23. Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979. С. 23-25.
24. Ошаев Х.Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою // КЭС. Тбилиси: Мецниереба, 1968. Т. 2. С. 75.
25. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М.: Советский художник, 1977. С. 154.
26. Там же. С. 210.
27. Крупнов Е.Н. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. С. 176.
28. Кодзоев Н.Д. История ингушского народа. Грозный, 2003. С. 34.
29. Гутнов Ф.Х. Бадел генеалогических преданий осетин //Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1987. С. 88.
30. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. //Изв. СОНИИ. Вып. XII, 1948. С. 112.

References:

1. Ibn Ruste. Iz knigi dragotsennykh kamnei. Per. s arabskogo N. Karaulova //SMOMPK, № 32, 1903. S. 42-47.
2. Pakhomov E.A. Krupneishie pamyatniki Sasanidskogo stroitel'stva v Zakavkaz'e //SA. № 8. 1946. S. 13-19.
3. Bartol'd V. Novoe izvestie o stenakh Derbenta. M., 1893. S. 34.
4. Kagankatvatsi M. Istoriya Agvan. SPb., 1861. S. 15.

5. Lavrov L.I. Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. M., 1980. S. 74.
6. Tam zhe. S 86.
7. Tam zhe. S. 93.
8. Evliya Chelebi. Kniga puteshestviya. Vyp. 2. M., 1979. S. 44-46.
9. Tam zhe. S. 48.
10. Lavrov L.I. Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. M., 1980. S. 231.
11. Khan-Magomedov S.O. Arochnye konstruksii v narodnoi arkhitekture Dagestana // Arkhitekturnoe nasledstvo, 1958. № 11. S. 52-54.
12. Gol'dshtein A.F. Bashennye sooruzheniya gornogo Dagestana // Arkhitekturnoe nasledstvo, 1958, № 11. S. 180-184.
13. Kokiev G.A. Boevye bashni i zagradytel'nye steny gornoj Osetii // IYuONII. Stalinir, 1935. T. 2. S. 87.
14. Krupnov E.N. Srednevekovaya Ingushetiya. M.: Nauka, 1971. S. 123.
15. Markovin V.I. Dorogami i tropami Dagestana. M.: Iskusstvo, 1976. S. 243.
16. Urushadze N.E. K semantike prikladnogo iskusstva drevnego Kavkaza i Zakavkaz'ya // SA, 1979. № 1. S. 54-70.
17. Miziev I.M. Chechenskie srednevekovye pamyatniki v verkhov'yakh r. Chanty-Arguna // Drevnosti Checheno-Ingushetii. M.: Nauka, 1963. S. 17.
18. Muzhukhoev M.B. K istorii pozdnesrednevekovogo zodchestva Tsentral'nogo Kavkaza // Poseleniya i zhilishcha narodov Checheno-Ingushetii. Groznyi, 1984. S. 94-106.
19. Gol'dshtein A.F. Bashni v gorakh. M.: Sovetskii khudozhnik, 1977. S. 212.
20. Khan-Magomedov S.O. Lezginское народное творчество. M.: Nauka, 1969. S. 169-170.
21. Ardasenov Kh. Ocherk razvitiya osetinskoj literatury. Ordzhonikidze, 1959. S. 84.
22. Zakaraya P. Drevnie kreposti Gruzii. Tbilisi: Merani, 1969. 314 s.
23. Illi. Geroiko-epicheskie pesni chechentsev i ingushei. Groznyi, 1979. S. 23-25.
24. Oshaev Kh.D. Nekotorye voprosy ispol'zovaniya nakhskikh bashen v boyu // KES. Tbilisi: Metsniereba, 1968. T. 2. S. 75.
25. Gol'dshtein A.F. Bashni v gorakh. M.: Sovetskii khudozhnik, 1977. S. 154.
26. Tam zhe. S. 210.
27. Krupnov E.N. Srednevekovaya Ingushetiya. M.: Nauka, 1971. S. 176.
28. Kodzoev N.D. Istoriya ingushskogo naroda. Groznyi, 2003. S. 34.
29. Gutnov F.Kh. Badel genealogicheskikh predanii osetin // Problemy istoricheskoi etnografii osetin. Ordzhonikidze, 1987. S. 88.
30. Klaprot Yu. Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg. // Izv. SONII. Vyp. XII, 1948. S. 112.

УДК 74.03

Основы материальной культуры горцев Военного времени (оружие и оборонительные сооружения)

Надежда Оскаровна Блейх

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Российская Федерация

362043, РСО-А, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Аннотация. На основе малоиспользуемых документальных материалов в статье анализируется роль материальной культуры горцев Военного времени (XIII - XVIII вв.), представленной оружием и оборонительными сооружениями. В ней говорится о том, что все кавказские народы продумали четкую систему защиты от нападений не только внешних

врагов, но и своих соплеменников, поощрявшихся к набегам феодальной верхушкой, нуждой, личной удастью. Поэтому нет на Кавказе почти ни одного селения, над строениями которого не доминировали бы боевые или жилые башни, а на прилегающей территории имелись заградительные стены и таможенные заставы, пещерные (скальные) укрепления и крепости, комплексы замкового типа. Доказано, что сама фортификационная культура кавказских народностей имела своей особенностью генетическую связь с эмпирикой жилищного строительства и потому являла собой все позитивные достижения этнического зодчества. Она своей созидательной деятельностью, красочно отразилась в памятниках истории и культуры населявших край народов.

Ключевые слова: боевые башни, горские народы, Кавказ, северокавказский край, созидательная деятельность, пещерные укрепления, фортификационная культура, этническое зодчество.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

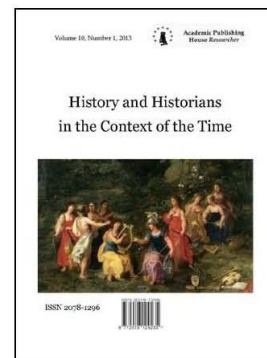
ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

Vol. 15, Is. 2, pp. 82-86, 2015

DOI: 10.13187/hhct.2015.15.82

www.ejournal3.com

UDC 93/94

Episodes from the Life of Kakutsa Cholokashvili

Maia Burdiashvili

Iakob Gogebashvili State University of Telavi, Georgia
1, Georgian University Str.
Dr. (History) Assistant Professor

Abstract

Happy people who have the worthy sons to be proud of. The national hero is the pride of the past, present and future of the country, he carries with dignity his heavy burden to his motherland and people. These people leave the neoslavery mark in the consciousness of nation, create a history and influence the formation of future generations. But it often happens that the rumors and different views about famous people negatively set up the society, as a result, their committed heroic acts are in the shadows for decades. Only time and a radical change in political beliefs allow the correct assessment of the personalities of those or other phenomena. With this the company receives the impetus for the reassessment of values and in the future, it may pay proper respect to their heroes.

Keywords: motherland, the national liberation movement, Kakutsa Cholokashvili, First world war, emigration, companion.

Введение

В ближайшей истории Грузии неповторимую лепту внёс национальный герой, представитель грузинской аристократии Какуца Чолокашвили. Он в числе лиц, чьё имя равносильно легенде. «Какуце достаточно было носить фамилию Чолокашвили, так как сама фамилия уже рождала легенду». (6, стр. 319) Несмотря на это, его имя не раз было очернено.

Методы исследования

При работе над статьёй использована современная научная литература. В статье использованы следующие методы: 1) метод анализа и синтеза, последовательное описание и объективный анализ фактического материала; 2) метод системности.

Результаты

С наступлением XX века невзирая на сложную политическую ситуацию Чолокашвили до конца остался верен национальным идеям и боролся во имя благосостояния своей отчизны. Именно идее лучшего будущего родины были принесены в жертву его семья, успешная военная карьера и сама жизнь.

Для формирования общего мнения большое значение имеют мнения современников и соратников, именно тех людей, которые, объединённые единственной идеей, бок о бок

боролись с Чолокашвили. Их единственной целью было восстановление независимости страны. Национально-освободительное движение тесно связала соратников, их взаимоотношения вышли за пределы Грузии и продолжались за границей, во время эмиграции. Принадлежащие им оценки весьма важны для современных историков, исследователей и читателей. Всё это показывает о личностных свойствах Какуцы Чолокашвили, его мужестве и гордой природе, достоинствах и верности идее.

По оценкам современников: «Какуца Чолокашвили был примером грузинского рыцарства в прямом смысле этого слова. Он был награждён природой такими качествами, что любой незнакомец среди тысячи человек легко мог его выделить. Чолокашвили любили солдаты и он пользовался всеобщим уважением. Каким бы трусливым не был солдат, рядом с Чолокашвили он превращался в лучшего воина». (1, с. 196)

Кайхосро (Какуца) Чолокашвили был прямым потомком известного предка, хорошо известного всем народному герою XVII века князя Бидзины Чолокашвили. Он родился в с. Матани 14 июля 1888 года. Военный опыт приобрёл будучи ещё совсем молодым, когда его призвали в российскую армию, служил в Тверском драгунском полку, там же он получил и звание офицера. Успех в военной карьере пришёл с участием в Первой мировой войне, он проявил себя сперва на Австрийском фронте, а затем в боях на Кавказе. По данным его современника Шалвы Амиреджиби: «в 1914 году Какуца Чолокашвили был ранен и переведён на Кавказский фронт командиром роты в тылу. Именно в это время турецкая армия начала подготовку к взятию Саракамыша, после чего намеревались захватить Батуми. Началась атака османов на Сарыкамыш» (5, с. 11). Самоотверженность Чолокашвили не осталась незамеченной и «за защиту Сарыкамыш Какуца был награждён именной золотой шашкой» (5, с. 11).

На фоне Первой мировой войны в Грузии начались благоприятные политические изменения, благодаря чему в стране появилась определённая надежда для успешного будущего. В 1916 году грузинские офицеры Давид Чавчавадзе, Алексей Амилахвари и Давид Шаликашвили императору Николаю Второму подали прошение об основании первого батальона-легиона кавалеристов. «Командир батальона Давид Чавчавадзе из всех войсковых частей лично выбрал грузинских кавалеристов, среди них в лице талантливого и решительного офицера был и Какуца Чолокашвили. Он был назначен командиром конного легиона.» (7, с. 610) Какуца Чолокашвили начал служить и поставил перед собой цель, используя весь свой военный опыт, служить во благо своей родины. Как вспоминает его современник и соратник Александр Каргаретели: «при формировании грузинского конного легиона он одним из первых вошёл в его состав. Легион был направлен на персидский фронт с важным заданием – пересечь Месопотамскую низменность (простирается на территории четырёх государств) и соединиться с британской армией» (2, с. 10-11), что было успешно выполнено.

В 1918 году сразу же после объявления независимости Грузии Какуца Чолокашвили из легиона перешёл в конный дивизион Народной Гвардии. Его современник Нико Накашидзе писал: «легион сильно переживал из-за ухода Какуцы, так как он был лучшим офицером. Весь легион его любил, а солдаты безгранично доверяли» (4, с. 15-15).

В начале 20-х годов XX века в Грузии наступило время политических изменений и государственного кризиса и даже в это время Чолокашвили до конца остался верен своей стране и идее. «Он не принадлежал ни к одной политической партии. Его единственным идеалом была только лишь Грузия» (2, с. 8). Вот что писал известный грузинский военный и политический деятель, генерал Шалва Маглакелидзе по поводу аполитической позиции Чолокашвили: «Какуца был человеком, который не имел ни малейшего представления о социализме, социал-демократической партии, партии меньшевиком, его все любили» (3, с. 72-73).

Главная цель всей его жизни была увидеть свободную Грузию. Для него были неприемлемы политическая вражда и сведение счётов. Он боролся во имя блага родины, за её будущее и пропитанный национальным духом не сторонился никакой опасности. Развернувшиеся в стране явления вынудили людей, объединённых одной и той же идеей, покинуть страну и эмигрировать. К сожалению, его стремления и идеи не смогли осуществиться при его жизни. Он ушёл из жизни молодым, в возрасте 42 лет, будучи в эмиграции. Причиной смерти послужили следы от ран, полученным им при Первой мировой войне.

После его кончины, Александр Каргаретели внёс в свою книгу воспоминания, посвящённые памяти Какуцы Чолокашвили, письма и стихи. Особенно нужно выделить публикацию известного грузинского учёного и общественного деятеля Михаила Церетели в связи со смертью этого удивительного патриота Грузии. «Кайхосро Чолокашвили ушёл из мира сего, скрылся от наших глаз, его больше нет среди живых, он вошёл в историю. Величину его личности и деяний смогут достойно оценить лишь историки. Для будущих поколений его жизнь будет показателем того, что грузинский народ и в начале двадцатого века не терял желаний героической борьбы» (4, с. 201).

Выводы:

1. Какуца Чолокашвили был национальным героем, основной целью всей его жизни являлось восстановление независимости своей родины;
2. Какуца Чолокашвили свой военный опыт посвятил начавшемуся в стране национально-освободительному движению и в 1922–1924 годах встал во главе этого движения;
3. Партизанские бои под его началом развернулись на территории всей восточной Грузии, а в дальнейшем к ним присоединились и представители других слоёв населения;
4. Политическая ситуация заставила эмигрировать, оставшихся в живых бойцов национально-освободительного движения;
5. Будучи в эмиграции Какуца Чолокашвили ни на минуту не переставал думать о своей родине. Возвращение на родную землю осталась лишь мечтой;
6. При оценке Какуцы Чолокашвили позиция его современников однообразна. Все подтверждают его безграничную любовь к родине, и говорят, что он никогда не жалел о принесённой им жертве в этой неравной борьбе;
7. Какуца Чолокашвили совершенно не признавал кремацию, но по справкам Александра Сулханишвили, Какуца перед смертью попросил сжечь его тело по единственной причине – таким образом становилось возможным его перезахоронение в Грузию, так как иначе это было бы весьма сложным процессом;
8. 21 ноября 2005 года свершилась долгожданная мечта грузинского народа, с места захоронения представителей грузинской эмиграции во Франции в Левиле, недалеко от Парижа, прах Какуцы Чолокашвили был перенесён в Грузию. Родина с любовью и почестями приняла его и он наконец нашёл своё последнее пристанище в Мтацминдском пантеоне, рядом с писателями и выдающимися грузинскими общественными деятелями. Здесь, на горе Мтацминда, мятежный дух героя обрёл вечный покой.

Примечания:

1. Александр Сулханишвили. Мои воспоминания. Сан-Франциско, 1981.
2. Александр Каргаретели. Какуца Чолокашвили. Париж, 1981.
3. Шалва Маглакелидзе. Воспоминания // Гантиади. Кутаиси, 1991. № 6.
4. Гоча Саитидзе, Кайхосро. Какуца Чолокашвили. Тбилиси, 2012.
5. Гурам Шарадзе, Гурам Гвердцители, Какуца Чолокашвили, Тбилиси, изд. «Мерани», 1989.
6. Михаил Кавтарадзе. 100 лет жизни. Тбилиси, 2012.
7. Гурам Шарадзе, Грузинская эмиграция, журнал «История», т. I, Тбилиси, 2001.

References:

1. Aleksandr Sulkhanishvili. Moi vospominaniya. San-Frantsisko, 1981.
2. Aleksandr Kargareti. Kakutsa Cholokashvili. Parizh, 1981.
3. Shalva Maglakelidze. Vospominaniya // Gantiadi. Kutaisi, 1991. № 6.
4. Gocha Saitidze, Kaikhosro. Kakutsa Cholokashvili. Tbilisi, 2012.
5. Guram Sharadze, Guram Gverdtsiteli, Kakutsa Cholokashvili, Tbilisi, izd. «Merani», 1989.
6. Mikhail Kavtaradze. 100 let zhizni. Tbilisi, 2012.
7. Guram Sharadze, Gruzinskaya emigratsiya, zhurnal «Istoriya», t. I, Tbilisi, 2001.

УДК 93/94

Эпизоды из жизни Какуцы Чолокашвили

Майя Бурдиашвили

Телавский государственный университет им. Я. Гогешашвили, Грузия
ул. Грузинского университета, 1
Д-р (истории), ассистент-профессор

Аннотация Счастлив народ, имеющий достойных сыновей, которыми можно гордиться. Национальный герой является гордостью прошлого, настоящего и будущего страны, он с достоинством несёт свою тяжёлую ношу перед родиной и своим народом. Именно подобные люди оставляют неигладимый след в самосознании народа, создают историю и влияют на формирование будущего поколения. Но часто происходит так, что слухи и разные взгляды об известных людях отрицательно настраивают общество, в результате этого совершённые ими героические поступки оказываются в тени на протяжении десятилетий. Только лишь время и радикальные изменения политических убеждений дают возможность для правильной оценки личностей и тех или иных явлений. При помощи этого общество получает толчок для переоценки ценностей и в дальнейшем оно уже может воздать должное уважение своим героям.

Ключевые слова: Родина, национально-освободительное движение, Какуца Чолокашвили, Первая мировая война, эмиграция, соратник.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

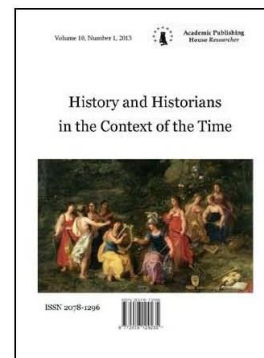
ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

Vol. 15, Is. 2, pp. 87-92, 2015

DOI: 10.13187/hhct.2015.15.87

www.ejournal3.com

UDC 74.03

Russian Policy towards Islam in the Caucasus (XVI–XIX Centuries)

Razhabat M. Gichibekova

Dagestan State University, Russian Federation
The Republic of Dagestan, Makhachkala, str. Mursalov, D. 88
specialist UMR first category
E-mail: noxeyka05@mail.ru

Abstract

In article on the basis of little-known materials are analyzed relations of the Russian Empire with the world of Islam, which have a long history. It is proved that the logic of development that dominated Russian politics XVI-XIX centuries has resulted in a dramatic expansion of the country's borders to the South and East have entered into its composition significant areas with large Muslim populations. The vast number of Royal officials were aware that quantitatively and qualitatively increasing the mass of the adherents of Islam have kept, and will continue to maintain the Sharia, and change something in this direction, "the weakening of Islam" is almost impossible, although attempts to undermine the influence of Islam within the Empire did not stop the authorities until the revolution of 1917, the conclusions that all attempts autocracy to predispose to itself the Muslim world in the Caucasus have not yielded tangible results. The Islamic religion was a strong influence on the internal situation in the Northern region, and the opposition of powerful Christian nation and the reason for this was the large-scale expansion of the Russian Empire.

Keywords: islamic religion, the Russian Empire, the northern region, the muslim world, christian power, civilizing mission, a large-scale expansion.

Введение

Отношения Российской империи с миром ислама имеют длительную историю, в единой и нераздельной совокупности которой сочетались экономические и геополитические интересы, потребности и проблемы внутренней и внешней политики самодержавия. Логика развития, доминировавшая в русской политике XVI–XIX вв. привела к тому, что резкое расширение границ страны на юг и на восток ввело в ее состав значительные территории с обширным мусульманским населением (Поволжье, Крым, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан). «К концу XIX в. 14-миллионная мусульманская община сделалась второй по численности (после носителей православия), вероисповедной группой населения Российской империи» [1]. Значение «исламского фактора» в жизни страны в это время особенно возросло в связи с тем, что подавляющая масса тюркоязычного населения России (более 12 миллионов мусульман) понятия «национальное» и «религиозное» воспринимало, по словам академика В.В. Бартольда, «тождественно», то есть идентично [2].

Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи сформировали работы известных российских ученых и публицистов: Д. Арапова, Н. Блейх, М. Саляхетдинова, Е. Копарева и др.; публикации дореволюционных авторов: В. Бартольда, Н. Данилевского, Ю. Клапрота и др.

Методологическая база исследования была сформирована за счет историко-сравнительного, структурного, абстрактно-логического методов исследования. Каждый из них имел свою область применения и сыграл важную роль в обработке, систематизации и обобщении исследуемого материала. Так, *историко-сравнительный метод* позволил проанализировать сопоставимые факты и на этой основе выявить как закономерности, так и особенности российской политики по отношению к исламу и мусульманам. *Метод структурного анализа* был необходим ввиду того, что изучать сложные структуры, не расчлняя их на отдельные составляющие элементы, невозможно. Поэтому он также широко использовался в работе. *Абстрактно-логический метод* дал возможность обобщения, синтеза и интеграции выводов по теме исследования в целом.

Обсуждение

Династия Романовых являлась державной, и она официально (только де-юре, а не де-факто) признавала ислам как веру в Бога миллионов своих подданных. Подавляющее число царских чиновников, свойственное для любой бюрократической структуры, было, прежде всего, прагматиками. Они, как правило, сознавали, что количественно и качественно возрастающая масса приверженцев ислама сохранила, и будет впредь сохранять шариат, и изменить что-либо в этом направлении «ослабления ислама» практически не возможно, хотя попытки подорвать влияние ислама внутри империи не прекращались властями вплоть до революции 1917 г.

Российское правительство с опаской воспринимало деятельность мусульманских проповедников, отправляемых из турецких крепостей на Черноморское побережье и впоследствии рассеивающихся по региону. Власти помимо того, что пытались противопоставить их деятельности укрепление российской границы, сами не менее активно работали в этом направлении посредством православных миссий.

Со второй трети XVIII в. главным объектом деятельности этих миссий на Северном Кавказе стали осетины, которых православные миссионеры и российские чиновники рассматривали как «древних христиан», отпавших от веры после усиления мусульманства в горах Кавказа в Средние века. «Православное прошлое Осетии, которое усиленно исследовалось, начиная с XVIII столетия, оправдывало в глазах миссионеров предпринимаемое ими крещение осетин», записано в сборнике «Северный Кавказ в составе российской империи» [3]. К приходу русских в Осетию, здесь было много православных осетин, часть сельских общин и местная военная знать приняла ислам. И православные и мусульмане сохранили при этом ряд языческих культов и верований.

Антироссийские мусульманские движения распространились по региону в основном из Дигории и Тагаурии, где кстати, в конце XVIII в. нашел себе приверженцев шейх Мансур. В дальнейшем выступавший за очищение ислама Ахмад Дударов возглавил здесь в 1802–1805 гг. общину своих единомышленников. В 30-е гг. XIX в., Беслан Шанаев поднял в Тагаурии антирусское восстание под религиозными лозунгами, которое русские войска жестоко подавили.

Обращение осетин в православие, у истоков которого стояли иерархи Грузинской православной церкви, шло одновременно с переселением их из предгорья на равнину, в заложенную в 1763 г. крепость Моздок, в ее окрестности, а позднее – и в крепость Владикавказскую.

Еще в 1744 г. при поддержке Святейшего синода миссионеры основали в малой Кабарде Осетинское подворье со строительством храма и намерением открытия приходской школы. Все это вызвало недовольство Османской Порты, в результате чего подворье было разгромлено турками [4].

После этого миссионерскую деятельность на Северном Кавказе стала направлять русская православная церковь, начало, которому было поставлено в 1745 г., когда Святейший синод отправил за счет казны в Осетию русскую православную миссию. Здесь

начали строить церкви, крестить население и обучать местных жителей основам православной веры. «Ново окрещённым были обещаны различные льготы вплоть до материальной помощи», - оставил запись Ю. Клапрот [5].

В 1746 на основе миссии была создана Кавказская комиссия для восстановления православия среди осетин и других народов Кавказа. Деятельность данной комиссии регулировалась Синодом совместно с российскими военными комендантами Моздока и Кизляра.

Создание русской православной миссии на Северном Кавказе следует рассматривать в контексте развернувшегося в правлении Елизаветы Петровны (1741-1761) массового крещения российских язычников и мусульман на восточных южных границах России. На Северном Кавказе в результате насильственного крещения зрело недовольство политикой российских властей. Ново крещенные тайно возвращались в ислам, участвовали в антироссийских выступлениях.

С воцарением Екатерины II (1762-1796) вскоре в российской религиозной политике в регионе, как и по всей империи, произошел резкий поворот. Так, именно в годы её правления был взят курс на веротерпимость, провозглашённый в указе 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных вероисповеданий и до построения по их законам молитвенных домов» и подтвержденный в Манифесте 1783 г. о присоединении Крыма к России. В них царица обещала бережно охранять «природную веру» и «законные обряды» мусульман Тавриды [6].

В то же время царизм предпринимает целый ряд мер для укрепления самодержавной власти. Для этого еще ранее при Петре I было ликвидировано патриаршество, а вместо него в 1721 г. был учреждён Священный Синод, за которым наблюдал светский чиновник. Синоду были подчинены архиереи, возглавлявшие церковные округа-епархии.

Используя успешный опыт церковной реформы для управления мусульманством, стремясь установить контроль над духовной жизнью российских мусульман, власти стали создавать специальные Духовные управления. В 1788 г. по полной аналогии со Священным синодом в Оренбурге учреждается Духовное управление мусульман (ДУМ), тогда называвшейся «Магометанским Духовным собранием», во главе с муфтием Мухамеджаном Хусайновым (позже ДУМ переведено в Уфу). В 1794-1833 гг. создается Таврическое магометанское духовное правление, а в 1872 г. - Закавказские: суннитский муфтият и шиитское правление.

Организация духовной жизни мусульман Северного Кавказа, Степного края (совр. Казахстан) и Туркестана носила децентрализованный характер, так как каких-либо специальных исламских управленческих институтов вплоть до 1917 г. так учреждено и не было. Однако это не означало, что административно- полицейские органы империи не наблюдали пристально за местными мусульманами, не отслеживали тревожные для себя явления и процессы в их среде. Теперь глава мусульман в Российской империи - муфтий избирался советом высших «мусульманских священников», которых сам же и назначал, и утверждался в этой должности императором за заслуги перед короной. За управление «духом мусульман» муфтий получал высокое государственное жалование.

И Священный Синод, и Духовное управление подчинялись непосредственно императору. В свою очередь у ДУМ в подчинении находились мусульманские структуры управления на местах. Таким образом, произошла централизация управления «мусульманским духовенством» и его непосредственное подчинение верховной власти империи» [7].

Общий контроль и надзор над духовной жизнью мусульман осуществляла специально созданная в 1810 г. светская чиновничья структура, которая в 1832 г. оформилась в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (ДДДИИ МВД).

Одно из отделений данного департамента отвечало за контроль над мусульманами, его деятельность определялась главной политической задачей имперской администрации - «сдерживать распространение ислама» [8].

К числу других центральных ведомств, занимавшихся мусульманством, следует отнести Военное министерство, ведавшее мусульманами Туркестана и Кавказа и Министерство иностранных дел.

С созданием мусульманских управленческих структур имперские власти стали включать представителей мусульманской общины России в различные имеющиеся в монархии сословия (дворянство, купечество, казачество и пр.) с распространением на них соответствующих прав и обязанностей. Постепенно был организован порядок духовной жизни мусульман в Вооруженных силах Российской империи: гвардии, армии, казачьих войсках и др. [9].

В 1769 г. на Кавказе по политическим соображениям было закрыто Осетинское подворье. Деятельность православной миссии, центром которой был Моздок, контролировали, как уже было сказано, российская администрация на Кавказе и Святейший синод. В 1771 г. Кавказская комиссия была преобразована в Осетинскую духовную комиссию, которая работала до конца XVIII в., «но так и не смогла добиться особых успехов по христианизации горцев», - отмечал В.А.Калоев [10].

При Екатерине государство перешло к более гибкой политике веротерпимости по отношению к неправославным подданным империи. Орудием государственного контроля над недавно присоединенными территориями вместе с православием становился ислам. Было разрешено строить мечети и примечетские школы. Лояльную российскому правительству мусульманскую духовную элиту региона собирались включить в состав российской администрации.

Следуя екатерининским принципам, в 1805 г. губернатор Астраханский и Кавказский князь П.Д. Цицианов подготовил проект «Об устройстве системы органов управления на Северном Кавказе», в основу которого была положена идея императрицы о признании «покровительства российскими властями мусульманской вере». В силу целого ряда причин органов духовной власти для мусульман Северного Кавказа так и не было создано. Вместе с тем в царствование Александра I (1801-1825) было решено поддержать так называемое шариатское движение в Кабарде. «Последующий Командующий русскими войсками на Кавказе генерал Торماسов предложил царю использовать для обращения горцев в христианство иезуитов», - отмечает Е. Копарев [11]. Однако Александр I принял решение использовать для этих целей способных православных миссионеров.

В 1807 г. на Северо-Западном Кавказе прежние родовые суды и расправы были заменены на мехкеме по мусульманскому праву, за введение которых выступали представители мусульманской духовной элиты Кабарды. Сделано это было за тем, чтобы привязать к России ее новых мусульманских подданных. Кроме того, действиями лояльных России представителей мусульманской духовной элиты власти пытались оказать сопротивление мусульманскому повстанчеству на границах империи. Для этого правительство привлекало мусульман из других регионов империи, в основном из Поволжья. Подобными действиями власти пытались поставить Северный Кавказ под юрисдикцию созданного в 1788-1789 гг. Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. Еще при Екатерине II для переговоров с кабардинскими князьями был вызван богослов Тажутдин-эфенди из Казани. Эта практика, правда, без особого успеха, продолжалась и в последующем.

На Кавказе интересы России сталкивались с притязаниями Турции и Ирана на эти территории. Здесь царское правительство старалось расширить свои владения, укрепить и сделать стабильными границы Закавказья. В этом вопросе особую роль играли взаимоотношения России и народов Северного Кавказа, которых империя стремилась полностью подчинить своему влиянию. Это было необходимо для обеспечения свободной безопасной связи со вновь приобретенными территориями в Закавказье и прочного включения всего Кавказского региона в состав Российской империи. Официальная российская доктрина выдвигала идею о «цивилизаторской миссии», - считает проф. Н.О. Блейх [12]. Самодержавие было преисполнено решимостью выполнить христианский долг перед Закавказьем. «Грузинские царства, - отмечал Н.Я Данилевский, - донельзя истощены борьбой с турками, персиянами и кавказскими горцами, и не могли вести далее самостоятельного существования и должны были или погибнуть, или присоединиться к единой России. Делая этот шаг, Россия знала, что принимает на себя тяжелую обузу, хотя, может быть и не предугадывала, что она будет так тяжела, что она будет стоить ей непрерывной шестидесятилетней борьбы» [13]. Вхождение в начале XIX в. в состав России

Закавказья неизбежно поставило вопрос о присоединении всего Северного Кавказа. Ряд областей (например, Кабарда, Осетия) еще раньше добровольно вошли в состав России.

Заключение

Однако все попытки самодержавия предрасположить к себе мусульманский мир на Кавказе не принесли ощутимого результата. Исламская религия оказывала сильное воздействие как на внутреннее положение в Северном регионе, так и на противостояние могущественной христианской державе и причиной этому явилась широкомасштабная экспансия Российской империи.

Стремление царизма распространить свое влияние на остальные территории Кавказа встретило упорное сопротивление народов Дагестана, Чечни, Адыгеи; длившаяся многие годы Кавказская война стоила царизму многих сил и жертв и завершилась к середине 60-х гг. XIX в.

Примечания:

1. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (Последняя треть XVIII-начало XX в.). М., 2004. С.143.

2. Бартольд В.В. От редакции журнала «Мир ислама» (1912г.)// Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI., 1966. С.365.

3. Северный Кавказ в составе российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с. С.101.

4. Блейх Н.О. Просветительская политика России на Северном Кавказе (XIX в.) //Вестник гуманитарного научного образования. 2013. Декабрь. № 12 (38). С. 3-6.

5. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808.гг.// Осетины глазами русских и иностранных путешественников XII-XIX вв. Орджоникидзе, 1967. С.167.

6. Манифест 8 апреля 1783 г. «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую Державу»// ПСЗРИ -1. 1781-1783. Т. 21. № 15708. СПб., 1830.

7. Саляхетдинов М. Духовные управления мусульман - прошлое, настоящее...Будущее? // НГ-Религии. № 8 (79). 25042001.

8. Государственность России (конец XV - февраль 1917 г.). Кн. I. М., 1999. С. 182.

9. Арапов Д.Ю. Мусульмане в Вооруженных силах Российской империи //Военно-исторический журнал. 2006. №9. С. 34-38.

10. Калоев В.А. Моздокские осетины. М., 1995. С. 195.

11. Копарев Е. Военное духовенство на Кавказе в XVIII-начале XXI в. //Проза. Ру. М., 2009.

12. Блейх Н.О. Исторический ракурс генезиса северокавказского просветительства сквозь призму мирового и российского цивилизованного пространства //Электронный научный журнал "Историко-культурные исследования". 2014. Выпуск 2(8). Май-Август. С. 3-6.

13. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1895. С. 36.

References:

1. Arapov D.Yu. Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiiskoi imperii (Poslednyaya tret' XVIII-nachalo XX v.). М., 2004. S.143.

2. Bartol'd V.V. Ot redaktsii zhurnala «Mir islama» (1912g.)// Bartol'd V.V. Sochineniya. T. VI., 1966. S.365.

3. Severnyi Kavkaz v sostave rossiiskoi imperii. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 s. S.101.

4. Bleikh N.O. Prosvetitel'skaya politika Rossii na Severnom Kavkaze (XIX v.) //Vestnik gumanitarnogo nauchnogo obrazovaniya. 2013. Dekabr'. № 12 (38). S. 3-6.

5. Klaprot Yu. Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinaytoe v 1807-1808.gg.// Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov XII-XIX vv. Ordzhonikidze, 1967. S.167.

6. Manifest 8 aprelya 1783 g. «O prinyatii poluostrova Krymskogo, ostrova Tamani i vsei Kubanskoi storony pod Rossiiskuyu Derzhavu»// PSZRI -1. 1781-1783. Т. 21. № 15708. SPb., 1830.

7. Salyakhetdinov M. Dukhovnye upravleniya musul'man - proshloe, nastoyashchee...Budushchee? // NG-Religii. № 8 (79). 25042001.
8. Gosudarstvennost' Rossii (konets XV - fevral' 1917 g.). Kn. I. M., 1999. S. 182.
9. Arapov D.Yu. Musul'mane v Vooruzhennykh silakh Rossiiskoi imperii //Voenno-istoricheskii zhurnal. 2006. №9. S. 34-38.
10. Kaloev V.A. Mozdokskie osetiny. M., 1995. S. 195.
11. Koparev E. Voennoe dukhovenstvo na Kavkaze v XVIII-nachale XXI v. //Proza. Ru. M., 2009.
12. Bleikh N.O. Istoricheskii rakurs genezisa severokavkazskogo prosvetitel'stva skvoz' prizmu mirovogo i rossiiskogo tsivilizovannogo prostranstva //Elektronnyi nauchnyi zhurnal "Istoriko-kul'turnye issledovaniya". 2014. Vypusk 2(8). Mai-Avgust. S. 3-6.
13. Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa. SPb., 1895. S. 36.

УДК 74.03

Российская политика в отношении ислама на Кавказе (XVI–XIX вв.)

Ражабат Магомедкамилъевна Гичибекова

Дагестанский Государственный Университет, Российская Федерация
Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Мурсалова, 88
Специалист по УМР первой категории
E-mail: noxeyka05@mail.ru

Аннотация. В статье на основе малоизвестных материалов анализируются отношения Российской империи с миром ислама, которые имеют длительную историю. Доказывается, что логика развития, доминировавшая в русской политике XVI–XIX вв. привела к тому, что резкое расширение границ страны на юг и на восток ввело в ее состав значительные территории с обширным мусульманским населением. Подавляющее число царских чиновников сознавало, что количественно и качественно возрастающая масса приверженцев ислама сохранила, и будет впредь сохранять шариат, и изменить что-либо в этом направлении «ослабления ислама» практически не возможно, хотя попытки подорвать влияние ислама внутри империи не прекращались властями вплоть до революции 1917 г. Делаются выводы, что все попытки самодержавия предрасположить к себе мусульманский мир на Кавказе не принесли ощутимого результата. Исламская религия оказывала сильное воздействие как на внутреннее положение в Северном регионе, так и на противостояние могущественной христианской державе и причиной этому явилась широкомасштабная экспансия Российской империи.

Ключевые слова: исламская религия, Российская империя, Северный регион, мусульманский мир, христианская держава, цивилизаторская миссия, широкомасштабная экспансия.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

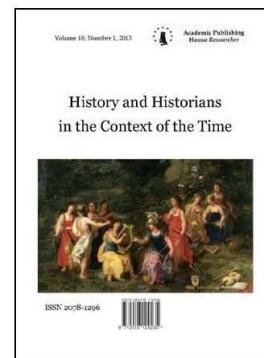
ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

Vol. 15, Is. 2, pp. 93-99, 2015

DOI: 10.13187/hhct.2015.15.93

www.ejournal3.com

UDC 74.03

The Genesis of the Study of the North Caucasian Region by the Russian science

Ruslan A. Khachidogov

North-Caucasian Institute for advanced qualification (branch) of Krasnodar University of the Russian interior Ministry, Russian Federation
E-mail: Ruslan.khachidogov.88@mail.ru

Abstract

The article describes little-known materials for the study of the North Caucasian region by the Russian science. It is proved that the merit of Russian scientists was organized and thorough study of indigenous peoples under the direct influence of science. Their activities largely contributed to the establishment in the Russian society objective view of mountain ethnic groups, their history and culture. The author comes to the conclusion that due to the activity of Russian scientists began the study of their homeland by local educators, which was crucial for the development of the culture of the mountain people.

Keywords: mountain peoples, caucasus ethnic groups, North Caucasus region, Russian science, russian scientists, educational heritage.

Введение

С каждым днём всё сильнее становится потребность в духовном обновлении общества, повышении его культурных запросов, в том числе и в области истории, с помощью которой мы окунаемся в прошлое. В связи с этим у граждан России появляется потребность в изучении своей стран, истоки которой были заложены русской интеллигенцией, учеными, просветителями. Не смотря на то, что в течение ряда веков менялась тематика их научных разработок, ценность их остается до сих пор актуальной.

Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи сформировали *документальные материалы*: Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества (ИКОИРГО); *работы известных российских ученых*: Н. Блейх, В. Гнучева, В. Латышева и др.; *публикации дореволюционных авторов*: П. Буткова, Вахушти, И. Георги, П. Надеждина, Л. Люлье, Я. Рейнегтса, Л. Штедера и др.

Методологическая база исследования была сформирована за счет историко-сравнительного, структурного, абстрактно-логического методов исследования. Каждый из них имел свою область применения и сыграл важную роль в обработке, систематизации и обобщении исследуемого материала. Так, *историко-сравнительный метод* позволил проанализировать сопоставимые факты и на этой основе выявить как закономерности, так и особенности зарождения изучения российской наукой северокавказского края. *Метод*

структурного анализа был необходим ввиду того, что изучать сложные структуры, не расчлняя их на отдельные составляющие элементы, невозможно. Поэтому он также широко использовался в работе. *Абстрактно-логический метод* дал возможность обобщения, синтеза и интеграции выводов по теме исследования в целом.

Обсуждение

К началу XIII века кавказоведение уже располагало некоторыми сведениями историко-этнографического характера, почерпнутыми из летописей, хронографов, описаний путешественников, разнообразных донесений, официальных актов, памятников законодательства, литературных произведений и др. Не смотря на их отрывочность, неполноту, а иногда и противоречивость сведений, все же мы находим немало достоверных фактов по истории северокавказских народов.

Наиболее полно северокавказская история была представлена трудами западноевропейских путешественников, побывавших в крае: доминиканца Юлиана (1231 г.), венецианца Иосафата Барбаро (1436-1462 гг.), француза Вильгельма де Рубрук (1253 г.), итальянца Плано Карпини (1246 г.) и др. [1] В их описаниях «земли кавказской» содержатся любопытные сведения о жизни и трудовой деятельности горцев. Многие в быту кавказцев оставались непонятным для этих авторов, но материалы, основанные на их личных наблюдениях, до сих пор представляют определенную ценность для изучения древней истории Северного Кавказа.

В XVI столетии, когда все теснее становятся экономические, политические, дипломатические связи между народами России и Кавказа, на первый план выдвигаются русские летописи и документы дипломатического толка. В них содержатся материалы о геополитическом положении кавказцев, их жизни и быте. Особенностью этих источников является ярко выраженная тенденциозность, так как составлялись они по поручению тех или иных государственных или религиозных учреждений, а авторы их руководствовались, прежде всего, практическими соображениями. Например, ценные в научном отношении сведения об Осетии и осетинах первой половины XVIII века сообщает грузинский историк Вахушти. Он пишет о расселении осетин конца XVII – начала XVIII столетий, дает первую в осетиноведческой литературе указанного периода характеристику социально-экономического строя в Осетии, приводит множество исторических фактов о борьбе осетин с монголами, о разгроме их Тимуром и бегстве в горы Кавказа. Грузинский историк также повествует о захвате равнинных областей, принадлежащих Осетии пришлыми адыгами (кабардинцами) [2].

По-настоящему научные исследования по Северному Кавказу начали проводиться только российскими учеными в XVIII веке. Эти исследования были знамениты своим сравнительно-историческим подходом: они не просто описывали отдельный этнос, но и давали сравнительную характеристику его ментальности с другими горскими народностями.

Наиболее последовательными и интенсивными кавказоведческими исследованиями в середине XVIII века занимались ученые российской Академии наук, которые задались целью «изучить естественные и производительные силы Кавказского края» [3]. Но они были весьма нечастыми. Наиболее полное изучение Северокавказского края и его народов российской наукой началось только после окончательного присоединения Северного Кавказа к России. К тому же этот период по времени совпал с подъемом российской общественно-просветительской мысли, которая и стала оказывать позитивное влияние на духовную сторону жизни горских народов. Во многом этому благоприятствовала и сама политика российского правительства, которое было заинтересовано в накоплении экономико-политических знаний о Северокавказском регионе, занимавшем важное военно-стратегическое положение на юге.

Участники научных экспедиций занимались геологическими изысканиями, проводили оценку развития отдельных сельскохозяйственных отраслей. В этом плане полезными оказались экспедиции ботаника С. Гмелина (1768–1774 гг.), врача И. Гюльденштедта (1768–1775 гг.), естествоиспытателя П. Палласа (1768–1775 гг.). Ученые-академики путешествовали в тяжелых условиях: без продовольствия, без денег, без доверия со стороны местных жителей. Однако сведения, предоставленные ими, намного обогатили кавказоведческую науку. Так, научный подвиг российских академиков немецкого происхождения

И. Гюльденштедта и П. Палласа заключался в том, что они являлись пионерами «лингвистического изучения Кавказа и лингвистической классификации кавказских народов [4]. На материалы данной экспедиции опирался и академик И.Г. Георги, который в своем исследовании «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», представил характеристику кавказских народов. Характеризуя общественный строй осетин, И.Г. Георги отмечал, что горцы «имеют у себя князьков и дворянство», которые «весьма небогаты» [5].

Также во второй половине XVIII века российским правительством был организован ряд геологических экспедиций в Осетию. Данные, добытые участниками этих экспедиций С. Вонявиным (1768 г.) и А. Батыровым (1774 г.) имели большое научное значение. Наряду с выявлением месторождений руды и полезных ископаемых, академики собирали и этнографические материалы об осетинской нации. Так, С. Вонявин, отмечая, что осетины «с крайнею охотою желают выйти из гор для поселения на степь Малой Кабарды и быть под покровительством Российского двора», причину этого видел в «претрудной их жизни в хлебопашестве и скотоводстве по горам», а посему, - считал ученый, - переселение осетин на равнину может благотворно сказаться не только на их жизни, но может упрочить отношения между Россией и Осетией. А.Батыров говорил о становлении школьного просвещения осетинского народа. Он рекомендовал российской администрации ввести «ученой должности персоны, дабы выходящие из гор бедные смыслом в законе могли как в духовном, так и в светском поучаться и через то к Российской стороне склониться» [6].

Изучением различных сторон жизни осетинских обществ занималась и Осетинская духовная комиссия. Из числа документов, составленных её членами, особый интерес представляют описание нравов и обычаев осетин, составленное протопопом И. Болгарским.

В развернутую российским правительством деятельность по исследованию Кавказа были вовлечены и кадровые офицеры, которым, в частности, было поручено выявление путей сообщения между северными и южными его областями. Большую научную ценность представляет «Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году» русского офицера Л.Л. Штедера. В противовес многим авторам Штедер хорошо знает жизнь горцев. «Они, - отмечал исследователь, - склонны к работе, в особенности женщины постоянно заняты. Они заботятся обо всей одежде, о домашнем хозяйстве, о жатве, сборе плодов, дровах и тому подобных работах. Мужчины, напротив, занимаются седельной сбруей, обработкой земли, пахотой, ремеслом кузнеца, каменщика и строителя, приготовлением пороха, выделкой из кожи ремней и обуви, охотой и войной» [7].

Характеризуя общественно-политическую жизнь горцев, Л. Штедер отмечал у них политическую раздробленность. Он одним из первых рассказал о восстании в Дигории – важнейшем событии истории крестьянского движения в Осетии.

Любопытные работы об адыгских народах представили русские офицеры Г. Новицкий и Ф. Торнау, написавшие совместный труд «Воспоминания кавказского офицера», опубликованные в журнале «Русский вестник» в 1864 году; исследователь К.Ф. Сталь составил «Этнографический очерк черкесского народа», появившийся в «Кавказском сборнике»; труды историков С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» и Ф. Леонтовича «Адаты кавказских горцев и сегодня служат ценным подспорьем в изучении кавказской истории.

Сведения о горских народностях и их культуре встречаются в сочинении Я. Рейнегтса «Общее историко-топографическое описание Кавказа» [8]. Он собрал большое количество сведений о населении края, его занятиях, промыслах, быте, культуре, памятниках материальной культуры. Автор обращает внимание на то, что в религиозных верованиях горцев присутствует синкретизм. Эти сведения, собранные академиками, давали наглядные сведения о классовой борьбе осетинского народа. Однако разносторонний и интересный материал, представленный авторами в их записках, требует строгого критического подхода и прежде всего потому, что они были все-таки представителями царской администрации, исполнявшими её волю и выражали интересы колониальной политики российского самодержавия и его ставленников на местах.

Важное значение для изучения общественно-просветительских идей горских народов имеют документальные материалы, составленные Г. Клапротом (1783–1835 гг.) во время его

кавказского путешествия (1807–1808 гг.). В них автор приводит сведения о зарождении осетинской письменной культуры, составленной на основе церковно-славянской графики и начале книгопечатания на осетинском и русском языках.

Итак, на рубеже XVIII – в начале XIX столетий началось систематическое изучение русской наукой северокавказского региона и населяющих его народов. Стремление к знаниям о древнем Кавказе российской интеллигенции было обусловлено общественными процессами, проходившими внутри России. С одной стороны это была практическая необходимость, обусловленная российской экспансией, а с другой – некая романтичность российской интеллигенции, представляющей Кавказ удивительной страной, полной тайн и загадок.

В середине, и в особенности во второй половине XIX века, когда наиболее интенсивно начал происходить процесс укрепления социально-экономических и культурных связей России с Северным Кавказом, усилилось и внимание русских ученых к изучению истории и культуры народов этого региона, что ознаменовало собой новый этап в развитии кавказоведения.

К этому времени относится и деятельность известного ученого-кавказоведа Буткова Петра Григорьевича (1775–1857 гг.). В его оставшемся незавершенном трехтомном труде «Материалы для новой истории Кавказа с 1772 по 1803 год» содержатся историко-этнографические сведения о народах Кавказа и о начале просветительской деятельности «Общества православного христианства на Кавказе» [9].

Определенную значимость имеет работа Ф.И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев» (Одесса, 1882–1883 гг.), в которой содержится материал для изучения общественного строя адыгов, осетин, чеченцев и которая расширяет наши знания в области традиционной культуры воспитания [10].

Важным источником для изучения нашей проблемы представляется и труд П.П. Надеждина «Кавказский край. Природа и люди» (Тула, 1895), в котором наряду с определенным тенденциозным подходом автора к изображению кавказских горцев представлен великолепный обзор природы и народонаселения края. Анализируются статистические сведения о функционировании организаций «Осетинской духовной комиссии» и «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» по созданию школьного обучения и православных учреждений среди горцев. Здесь же сказано об издании книг как церковно-религиозного, так и гражданского толка [11].

Для исследования истории культуры на Северном Кавказе научно-теоретическое значение имеют историко-этнографические очерки Леонтия Яковлевича Люлье (ум. в 1862 г.): «Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов», «Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухайцев», напечатанные в 5-7 книгах Записок Кавказского отдела императорского Русского географического общества (ЗКОИРГО) за 1862–1866 годы [12]. Кроме того, в 1846 году в Одессе были изданы его «Грамматика черкесского языка» и «Русско-черкесский словарь», что фактически положило начало научной разработке адыгской письменности.

Огромный вклад в изучение местных особенностей внес академик Российской Академии Андрей Михайлович Шегрен (1794–1855 гг.) своей «Осетинской грамматикой», вышедшей в свет в 1844 году и сыгравшей важную роль в развитии школы и просвещения этого региона. Он заложил основы научного изучения осетинского языка. Создание осетинской письменности было осуществлено Шегреном на основе русской гражданской графики вместо церковнославянской и грузинской Гайоза и И. Ялгузидзе [13].

Также большой вклад в развитие изучения жизни и быта горцев внес Леонид Петрович Загурский (1827–1891 гг.). Будучи членом и редактором с 1851 года Кавказского отделения императорского Географического общества, ученый издает 7 томов «Записок» и 5 томов «Известий» этого отделения. Л. Загурский являлся автором историко-этнографических, лингвистических трудов по кавказской тематике, которые внесли свою лепту в дело просвещения нерусских народов [14].

Прогрессивная русская научная интеллигенция на Кавказе в лице А. Шифнера, П. Услара, И. Бартоломея, А. Берже, а также крупнейшие деятели русской культуры и общественной мысли С. Танеев, В. Миллер, М. Ковалевский, Л. Лопатинский и др. проявляли живой интерес к изучению фольклора горских народов. Собранные ими

материалы печатались в местных газетах и периодических изданиях XIX – начала XX века: «Кавказ», «Горские ведомости», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Известия Российского географического общества», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» и др. [15]

В официальной кавказоведческой историографии на протяжении всего XIX века преобладали две тенденции, диаметрально противоположные друг другу: негативная и позитивная. Первую из них представляли буржуазные историки, такие как Н. Дубровин, П. Надеждин, Н. Данилевский (кстати, никогда не бывавшие на Кавказе и знавшие жизнь и обычаи горцев понаслышке), которые в своих работах подчас отзывались о горцах нелестно, изображая их чуть ли не дикарями, стоящими на уровне первобытной дикости, коварными и склонными ко всякому злу, массово-неграмотными, погрязшими в суевериях, "хищными грабителями". Другую линию представляли деятели передовой российской культуры (Грибоедов А.С., Пушкин А.С., Лермонтов М.Ю., Толстой Л.Н.), которые на деле предпринимали ряд практических шагов по развитию школьного образования нерусских народов, изучали историю, этнографию, литературу, нравы и обычаи горцев. И, естественно, все это сближало народы Кавказа с Россией.

Заключение

Вот в таких условиях противоречивости общественно-просветительской мысли стало развиваться кавказоведение, которое уже к концу XIX столетия накопило определенный историко-этнографический материал о Северном Кавказе и народах, проживающих на нем, различный по качеству и объему, разбросанный в многочисленных источниках, опубликованный нередко на иностранных языках. Это, естественно, затрудняло их использование в науке, задерживало популяризацию через общедоступную литературу. И, тем не менее, основные проблемы кавказоведения намечались. Исследователи приходили к определенным, хотя не всегда правильным выводам, делали важные обобщения, служащие в ряде случаев отправными пунктами для будущих кавказоведов-историков, лингвистов, этнографов. Так рос интерес к истории северокавказского края, обусловленный особенностями эпохи и развитием общественно-просветительской мысли в России в XIX веке.

Примечания:

1. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Спб., 1893. Т. 1.; 1904. Т. 2. С. 15.
2. Вахушти. География Грузии /Записки КОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис, 1904. С. 321.
3. Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиции Академии наук в XVIII и XIX веках, хронологические обзоры и описание архивных материалов АН СССР //Труды архива, вып. 44. М.-Л., 1940. С. 112.
4. Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества (ИКОИРГО). Тифлис, 1903. С. 234.
5. Георги И.О. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Спб., 1776-1777. Ч. 1. III. С. 67.
6. Блейх Н.О. Прогрессивное значение присоединения Северного Кавказа к России для зарождения в крае передовой горской интеллигенции (тезисы) //Основные тенденции воспитания в республиках и округах Южного Федерального округа. Владикавказ: СОГУ, 2001. С. 67-69.
7. Штедер Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году //Осетия глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 213.
8. Рейнеггс Я. Общее историко-топографическое описание Кавказа //Осетия глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 56.
9. Бутков П.Т. Материалы для новой истории Кавказа с 1772 по 1803 гг. Спб., 1869. Ч. 1. 523 с.

10. Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества (ИКОИРГО). Тифлис, 1903. С. 45-46.
11. Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895. С. 67.
12. Люлье Л.Я. Полное собрание сочинений. М., 1987. С. 7, 84.
13. Bleih N. The Influence of Russian Innovator Teachers on the Development of Mountain Dwellers (XIX century) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 33 (3). С. 405-409.
14. Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиции Академии наук в XVIII и XIX веках, хронологические обзоры и описание архивных материалов АН СССР // Труды архива, вып. 44. М.-Л., 1940. С. 9.
15. Блейх Н.О. Влияние российской литературы на просветительскую мысль Северо-Кавказского края (XIX в.) // Электронный научный журнал "Историко-культурные исследования". 2014. Выпуск 1(7) Январь-Апрель. С. 3-8.

References:

1. Latyshev Century Century reports of the ancient Greek and Latin writers on Scythia and Caucasus. SPb., 1893. Т. 1.; 1904. So 2. С. 15.
2. Vakhushti. Geography Georgia /Notes CORGO. KN. XXIV. Vol. 5. Tiflis, 1904. S. 321.
3. Gocheva C. F. materials for history of the expedition of the Academy of Sciences in the eighteenth and nineteenth centuries, a historical review and description of archival materials of the Academy of Sciences of the USSR //proceedings of the archive, vol. 44. М.-Л., 1940. S. 112.
4. News of the Caucasian Department of the Imperial Russian geographical society (TORGO). Tiflis, 1903. S. 234.
5. Georgi Acting A description of all the Russian state-dwelling peoples, from everyday rituals, beliefs, habits, homes, clothes, and other memorable places. SPb., 1776-1777. Н 1 - III. S. 67.
6. Bleih N. About. Progressive is joining the North Caucasus to Russia for generating the leading edge of the mountain intellectuals (thesis) //the Main trends in education in the republics and districts in the southern Federal district. Vladikavkaz: SOE, 2001. С. 67-69.
7. Studer L. Diary of a journey from the border fortress of Mozdok in the inner areas of the Caucasus, taken in 1781 //Ossetia through the eyes of Russian and foreign travelers. Ordzhonikidze, 1967. S. 213.
8. Ranegrs I. General historical and topographical description of the Caucasus //Ossetia through the eyes of Russian and foreign travelers. Ordzhonikidze, 1967. S. 56.
9. P. Butkov So the Materials for a new history of the Caucasus between 1772 1803, St. Petersburg., 1869. Н. 1. 523 S.
10. News of the Caucasian Department of the Imperial Russian geographical society (TORGO). Tiflis, 1903. S. 45-46.
11. Nadezhdin PP Caucasian region. Nature and people. Tula, 1895. S. 67.
12. Lyle L. J. the Complete works. М., 1987. S. 7, 84.
13. Bleih N. The Influence of Russian Innovator Teachers on the Development of Mountain Dwellers (XIX century) //Former years. Russian historical journal. 2014. No. 33 (3). С. 405-409.
14. Gocheva C. F. materials for history of the expedition of the Academy of Sciences in the eighteenth and nineteenth centuries, a historical review and description of archival materials of the Academy of Sciences of the USSR //proceedings of the archive, vol. 44. М.-Л., 1940. С. 9.
15. Bleih N. About. The influence of Russian literature on the educational thought of the North Caucasus region (XIX century) // Electronic scientific journal "Historical and cultural studies". 2014. Issue 1(7) January-April. С. 3-8.

УДК 74.03

Генезис изучения северокавказского края российской наукой

Руслан Асланович Хачидогов

Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского Университета МВД России, Нальчик, Российская Федерация
E-mail: Ruslan.khachidogov.88@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся малоизвестные материалы по изучению северокавказского края российской наукой. Доказывается, что заслугой российских ученых явилось организованное и тщательное изучение автохтонных народов под непосредственным воздействием науки. Их деятельность во многом способствовала установлению в российском обществе объективного взгляда на горские этносы, их историю и культуру. Автор приходит к выводу, что благодаря деятельности российских ученых началось изучение своей малой Родины местными просветителями, что имело решающее значение для развития культуры горских народов.

Ключевые слова: горские народы, кавказские этносы, Северокавказский регион, российская наука, русские учёные, просветительское наследие.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

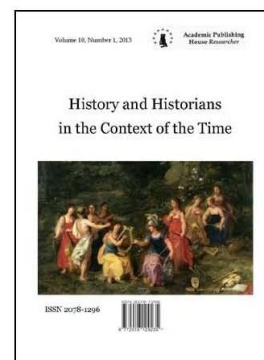
ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

Vol. 15, Is. 2, pp. 100-105, 2015

DOI: 10.13187/hhct.2015.15.100

www.ejournal3.com

UDC 94

Social Policy in the Caucasus on the Eve of the First World War (1905-1914 years)

Lyubov G. Polyakova

International network center for fundamental and applied research, Russian Federation
Laboratory of world civilizations

Abstract

The article discusses the social policy of the Governor of the Russian Emperor in the Caucasus the count Illarion Ivanovich Vorontsov-Dashkov in 1905-1914 years. As the sources are used the materials from the national archive of the Republic of Georgia, the published report «in eight years of running the Caucasus», as well as periodicals. The attention is paid to the problems of colonization and public education.

Keywords: social policy, Caucasian wardenship, count Vorontsov-Dashkov I.I.

Введение

Социальная политика в Российской империи в целом, и на Кавказе в частности, всегда занимала важное значение в гражданской жизни общества. Особенно это значение возрастало в период революционных потрясений. Так случилось и в Первую русскую революцию когда Кавказ оказался охвачен сильными народными волнениями. Для наведения порядка и ликвидации революционного движения на Кавказе было создано Наместничество, которое возглавил граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков.

В данной статье мы бы хотели рассмотреть два направления деятельности наместника Кавказского: организацию колониационного движения и развитие системы народного образования.

Материалы и методы

Для подготовки данной статьи были использованы следующие материалы, а именно: архивные документы национального архива республики Грузия, опубликованные материалы «Всепопданейший отчет за восемь лет управления Кавказом» и Полное собрание законов Российской империи, а также материалы периодической печати.

Методологическую основу исследования составили такие принципы научного познания как: объективности и историзма, которые предполагают объективный подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

Результаты

Колонизация. Долгое время на Кавказ отправляли самое неудобное население Российской империи, а именно сектантов, лиц с ограничением в правах и другой асоциальный элемент. В то время как добровольное переселение православных началось только в 1904 г. В результате религиозный состав населения образованных ранее поселков изменился. Определенное время сектанты являлись почти единственными колонизаторами Закавказья, так как ранее этот край служил местом ссылки для них. Сектанты устраивались или на казенных землях, или на приобретенных у местных помещиков, довольно быстро осваивались, учились говорить в западном Закавказье по-грузински, в восточном – по-татарски, и начинали вести жизнь зажиточных крестьян, ничем не стеснены в свободе исповедания их вероучений и совершения своих молений и обрядов.

Но с возникновением добровольного переселения людей на Кавказ из других губерний России и с появлением Указа «Об Укреплении Начал Веротерпимости» 17 апреля 1905 г. [1], установившего правила, регулирующие религиозный быт сектантов, было необходимо подчинить им и закавказских сектантов. Поэтому среди них стали ходить разговоры о переселении в Америку. В результате стало очевидно, что нельзя запрещать регистрацию общин известной секты, по каким-либо причинам, так как это означает переход этой группы в тайное общество без возможности открытого за ним наблюдения.

В Чолокской казенной даче, Озургетского уезда, Кутаисской губернии, осенью 1912 г. был произведен первый опыт водворения переселенцев (православных старообрядцев). Переселено около 50 семей, составляющих около 150 душ.

Указанные единоверцы происходили из казаков войска атамана Платова, более 200 лет выселившихся в Турцию после объявленных гонений на старообрядцев и там расселившихся в отдельные поселки и селения. Количество бежавшего тогда народа трудно установить, но судя по сохранившимся приданиям, нужно полагать, что одних душ мужчин было свыше 5 тысяч [2].

На территории Черноморской губернии Кавказского Наместничества в конце XIX века из Турции прибыли армяне и греки [3]. В своем большинстве они занимались табаководством, а также коммерческими делами.

Необходимо отметить, что все национальности на Кавказе были настроены друг к другу враждебно и мирились со своим сожителем только под влиянием русской власти. Если государственной власти удавалось сдерживать сепаратизм отдельной нации, то общекавказского сепаратизма тоже не было [4].

В 1913 г. на Мугани на 70 тыс. десятинах находилось 49 поселков с 20 тысячами русских переселенцев. Орошение Закавказских степей и колонизация этих земель русскими, в связи с развитием хлопководства постоянно возрастали.

Шел процесс обезземеливания дворянства. Задолженность дворянских имений в указанный период не уменьшалась, хотя площадь дворянского землевладения сокращается с каждым годом приблизительно на 3 %. В послереволюционный период это объяснялось значительными финансовыми потерями в период революции, а также пониманием того что безземельный крестьянин весьма опасен. По подсчетам Государственного дворянского земельного банка, имеющего отделения в Тифлисе и Михайловского дворянского земельного банка в Кутаиси, количество заложенных имений возрастает, хотя общий размер ссуды иногда понижается. В 1908 г. во всей Западной Грузии было только 65 крупных имений, свыше 500 десятин. Вследствие обремененности долгами дворянство распродало свои земли. Главным покупателем дворянских имений являлись крестьяне [5].

В основном общественная жизнь на Кавказе по причине общегосударственной централизации власти являлась повторением существенных мотивов общественной жизни внутренних губерний России, но на протяжении 1905–1914 гг. проявлялись яркие индивидуальные черты, например, отсутствие крупного землевладения и сильного землевладельческого класса дворян, географическая разобщенность внутренних частей окраины, а также соседство с многочисленными мелкими народностями, ведущих друг с другом постоянную вражду.

Система народного просвещения. Очевидно, что представители всех народностей стремились научить своих детей русскому языку, в тоже время обучали и родному.

На заседаниях общественных организаций и учреждений прения, за малым исключением, велись на русском языке, причем каждый выступающий стремился говорить по-русски, если же речь была произнесена на местном диалекте, она обычно сразу переводилась на русский, так как присутствующие представители других национальностей требовали этого. В общем, русский язык для кавказских народностей являлся языком культурным, русская литература оказывала серьезное влияние на местных писателей, воспитавшихся на ней.

Наместник понимал все особенности края. Поднятие производительности края без мер по расширению образованности населения было не достижимо, поэтому среди забот о культурном подъеме Кавказа видное место в работе И.И. Воронцова-Дашкова отводилось народному просвещению. Политическое значение русской школы на Кавказской окраине, как проводника русской государственности было достаточно велико. За 1905–1914 гг. наместничества количество начальных училищ увеличилось более чем на 30 % (3 037 школ), а число учащихся в них почти на 50 % (302 664 человек). Число общеобразовательных начальных училищ с 67 возросло до 107 с 20 тысячами учеников, число средних учебных заведений с 202 увеличилось до 263, а число учащихся в них с 25 тыс. поднялось до 42 тыс. детей. Число специальных учебных заведений для подготовки учителей с 14 возросло до 24, где получили подготовительное образование до 1,1 тыс. человек, число промышленных училищ увеличилось немного, и их всего в крае было 29 с 3 тыс. учащихся. При школах открывались ремесленные и сельскохозяйственно-ремесленные отделения, всего было открыто в 1910–1913 гг. – 56. Наконец, число коммерческих учебных заведений возросло с 7 до 30, а число учащихся в них с 1,6 до 4,2 тыс. человек [6].

Начальное народное образование в начале XX века подразделялось на школы двух типов: министерские и церковно-приходские. В Закавказье таких школ насчитывалось 790, обучалось в них в основном православное сельское население, но не отказывалось в обучении «сектантам, инославным и даже нехристианам» [7]. И те и другие школы имели много общего в постановке учебно-воспитательного дела, различаясь, лишь по своим задачам. Министерские школы обильно получали казенные и общественные средства и могли расширяться, а также улучшать процесс получения образования. Церковно-приходские школы не всегда и не везде пользовались содействием и вниманием властей и вынуждены были существовать на довольно скудные общественные, частные и церковные средства.

О важности церковно-приходских школ говорил член Государственной Думы третьего созыва господин фон-Анреп: «Говорить, что церковная школа плоха, а земская (министерская) хороша, так же не справедливо, как и сказать наоборот. Я могу привести вам, по собственному опыту, целый ряд церковных школ превосходных, и могу привести школы земские, которые очень слабы» (Выступление от 2 ноября 1908 года) [8].

Хотя и революция 1905–1907 гг. не прошла стороной сферу народного образования. В этот период происходит полное разложение учебного дела и замечается чрезвычайная распущенность воспитанников средних учебных заведений. Так, например, в 1906 г. ученики реального училища в г. Тифлисе собрались на сходку, для обсуждения вопроса об уничтожении отметок. В виду незаконности сходки распоряжением попечителя кавказского учебного округа училище закрыто [9]. Но генерал-губернатор пригласил учеников старших классов реального училища с родителями, сделал отеческое внушение и приказал возобновить занятия под угрозой немедленной высылки родителей из пределов генерал-губернаторства. Занятия возобновились [10].

Вспышка революционного движения в 1907 г. особенно отразилась на Кутаисской классической гимназии, в которой возникли массовые беспорядки с применением взрывающихся петард. Однако предложения администрации о производстве в гимназии обыска были отменены по просьбе попечителя учебного округа [11].

В 1908 г. во 2-й мужской гимназии перед началом некрасовского утра, когда гимназические певчие начали гимн, с хоров было брошено два разрывных снаряда, разорвавшиеся со страшным треском. Бросившие снаряд не обнаружены [12]. В мае этого же года возле женской гимназии ученики пытались застрелить своего учителя Когана, но

промахнулись [13]. В ходе следствия были арестованы трое учеников мужской гимназии и одна бывшая ученица. В этом же году в другом районе отчисленный ученик Николаевского городского училища Отарашвили, явившись в училище за документами, тяжело ранил из револьвера учителя Литвинова и прибежавшего на помощь сторожа [14].

Преступность в этот период возросла настолько, что пришлось даже новое построенное здание, предназначавшееся под духовную семинарию, передать тюремному ведомству. Здесь была устроена центральная тюрьма на 1200 человек [15].

Большие размахи приобрели случаи похищения детей из богатых семей, похитители которых требовали большой денежный выкуп, так был похищен гимназист Хазаров отец, которого заплатил за выкуп 17 тыс. руб., за юношу Пуцунашвили требовали 30 тыс., но похитители были найдены и юношу освободили, за студента Шимкевича потребовали выкуп в 30 тыс. руб., а за сына богача Юзбашева, похищенного 15-го января 1908 г. – 60 тыс. руб. [16]

В этот же период были закрыты такие печатные издания, как сатирический журнал «Комар», редактор, которого был арестован, грузинский сатирический журнал «Хумари», газета «Тифлис», вышедшая вместо «Закавказья», редактор выслан за пределы губернии, по распоряжению наместника был арестован Филипишин, фактический редактор русского органа «Голос Кавказа», так как в газете появился ряд статей, направленных против грузин, с обвинением всей нации в убийстве экзарха Никона [17].

Но в период «успокоения» района бунты в гимназиях прекратились, открылись новые газеты и журналы.

К 1914 г. школьные требования были значительно повышены и преподавательский персонал улучшен, чему способствовало увеличение оплаты труда учителей. На подготовку учителей для мусульманских школ было обращено особенное внимание, посредством организации специальных педагогических курсов и увеличения стипендий в учительских семинариях. Для обеспечения успеха русской школы среди горцев, не имеющих своей письменности, были изданы, с целью обучения детей родному языку буквари на абхазском, кабардинском, чеченском, даргинском и кюринском языках.

При открытии высшей начальной школы в армянских поселках так называемого министерского типа, местная армянская церковная школа грамотности закрывалась из-за отсутствия желающих в ней обучаться.

В 1914 г. планировалось открытие в Тифлисе высшего учебного заведения Политехнического института со следующими факультетами: сельскохозяйственный, механический, химический и экономический [18].

В 1908 г. в Тифлисе начинались лекции на высших курсах по кавказоведению, была объявлена программа курсов:

- 1) сравнительный обзор кавказских языков;
- 2) история передней Азии;
- 3) завоевание арабами Кавказа;
- 4) армянская история и литература и пр.

В первом полугодии лекции читали проф. А.А. Исаев и В.Ф. Тотомиянц. Наплыв желающих поступить на курсы был огромный [19].

Несмотря на это большинство интеллигентных грузин, которые становились чиновниками, уезжали вглубь России. Причиной этому было отсутствие на Кавказе земства, развитой торгово-промышленной жизни, прессы. Но к 1914–1915 гг. ситуация меняется и образованных людей становится значительно больше, интеллигенция поднимается на новый уровень. Увеличивается объем и качество печатной продукции. Возросли духовные интересы общества. Даже в деревнях стали появляться библиотеки и читальни.

С развитием сельского хозяйства и торговли при школах стали устраиваться опытные поля и плантации, чтобы приобщить население к высшим формам сельскохозяйственной культуры. Появляются сельскохозяйственные печатные издания периодические и непериодические. Это говорило о том, что крестьяне стали прислушиваться и приобщаться к науке и руководствоваться ей в своей практике. В деревне все больше стало появляться образованных людей и уже в 1914 г. редко можно было встретить крестьянина, который не пытался бы дать своему ребенку хотя бы начальное образование.

Заключение

Завершая хочется отметить, что в 1905 – 1914 гг. на территории Кавказа происходил период динамического развития. Это коснулось и колонизационных дел, и системы народного образования. Именно в это время делу народного образования правительством Российской империи было придано такое ускорение, что в ряде регионов отмечалось едва ли не 100 % количество детей школьного возраста охваченных системой народного просвещения [20].

Примечания:

1. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. СПб., 1908. с. 237-238.
2. Виноградов М.Н. *О переселении зарубежных старообрядцев в Закавказье*. Тифлис, 1914.
3. Рожко Е.Э. Хозяйственная колонизация Черноморского округа в 1870–1890-е гг.: формирование межэтнических черт ментальности // *Былые годы*. Черноморский исторический журнал. 2009. № 2. С. 18–22.
4. Воронцов-Дашков И.И. Всеподданийший отчет за восемь лет управления Кавказом. СПб., 1913. с.14.
5. Дариани С. Грузия после 1905 года. Кутаис, 1914. с. 40-41.
6. Воронцов-Дашков И.И. Всеподданийший отчет за восемь лет управления Кавказом. СПб., 1913. с.31.
7. Национальный архив Республики Грузия (НАРГ). Ф.13. Оп. 24. Д.640. Л. 1.
8. НАРГ. Ф.13. Оп. 24. Д.640. Л. 5.
9. Телеграммы наших корреспондентов // *Русское слово* (Москва), 1906. 6 ноября.
10. На Кавказе // *Русское слово* (Москва), 1906. 25 ноября.
11. Красный архив. 1929. Т.3 (34). с.188.
12. На Кавказе // *Русское слово* (Москва), 1908. 4 марта.
13. На Кавказе // *Русское слово* (Москва), 1908. 19 мая.
14. Драма в городском училище. Телеграммы // *Петербургский листок* (Санкт-Петербург), 1908. 27 декабря.
15. На Кавказе // *Русское слово* (Москва), 1908. 13 августа.
16. На Кавказе // *Русское слово* (Москва), 1908. 25 февраля.
17. На Кавказе // *Русское слово* (Москва), 1908. 25 июня.
18. НАРГ. Ф.13. Оп. 28. Д.127. Л. 2.
19. Нам пишут // *Русское слово* (Москва), 1908. 27 сентября.
20. Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. № 2 (10). P. 138-149.

References:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: Sobr. 3-e. T. XXV: 1905. SPb., 1908. s. 237-238.
2. Vinogradov M.N. *O pereselenii zarubezhnykh staroobryadtsev v Zakavkaz'e*. Tiflis, 1914.
3. Rozhko E.E. Khozyaistvennaya kolonizatsiya Chernomorskogo okruga v 1870–1890-e gg.: formirovanie mezhetnicheskikh chert mental'nosti // *Bylye gody*. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2009. № 2. S. 18–22.
4. Vorontsov-Dashkov I.I. Vsepoddaniishii otchet za vosem' let upravleniya Kavkazom. SPb., 1913. s.14.
5. Dariani S. Gruziiya posle 1905 goda. Kutais, 1914. s. 40-41.
6. Vorontsov-Dashkov I.I. Vsepoddaniishii otchet za vosem' let upravleniya Kavkazom. SPb., 1913. s.31.
7. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Gruziiya (NARG). F.13. Op. 24. D.640. L. 1.
8. NARG. F.13. Op. 24. D.640. L. 5.
9. Telegrammy nashikh korrespondentov // *Russkoe slovo* (Moskva), 1906. 6 noyabrya.
10. Na Kavkaze // *Russkoe slovo* (Moskva), 1906. 25 noyabrya.
11. Krasnyi arkhiv. 1929. T.3 (34). s.188.
12. Na Kavkaze // *Russkoe slovo* (Moskva), 1908. 4 marta.

13. Na Kavkaze // Russkoe slovo (Moskva), 1908. 19 maya.
14. Drama v gorodskom uchilishche. Telegrammy // Peterburgskii listok (Sankt-Peterburg), 1908. 27 dekabrya.
15. Na Kavkaze // Russkoe slovo (Moskva), 1908. 13 avgusta.
16. Na Kavkaze // Russkoe slovo (Moskva), 1908. 25 fevralya.
17. Na Kavkaze // Russkoe slovo (Moskva), 1908. 25 iyunya.
18. NARG. F.13. Op. 28. D.127. L. 2.
19. Nam pishut // Russkoe slovo (Moskva), 1908. 27 sentyabrya.
20. Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // Social Evolution & history. 2011. № 2 (10). R. 138-149.

УДК 94

Социальная политика на Кавказе накануне Первой мировой войны (1905–1914 гг.)

Любовь Георгиевна Полякова

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований,
Российская Федерация
Лаборатория мировых цивилизаций

Аннотация. В статье рассматривается социальная политика наместника российского императора на Кавказе графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова в 1905–1914 гг. В качестве источников использованы материалы национального архива республики Грузия, опубликованный «отчет за восемь лет управления Кавказом», а также материалы периодической печати. Уделено внимание проблемам колонизации и народному просвещению.

Ключевые слова: социальная политика, Наместничество Кавказское, Граф И.И. Воронцов-Дашков.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

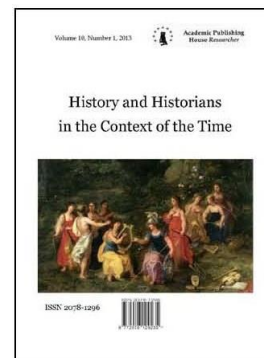
ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

Vol. 15, Is. 2, pp. 106-114, 2015

DOI: 10.13187/hhct.2015.15.106

www.ejournal3.com

UDC 94

Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation?

Alexey A. Volvenko

Taganrog institute of name A.P. Chekhov (branch) Rostov state economic university (RINH),
Russian Federation
PhD (History), Associate Professor
E-mail: avolvenko@mail.ru

Abstract

The article deals with the major milestones of life and career of Chebotarev A.P. – Don Cossack General, the deputy chief of the irregular troops of the War Ministry in the 60s of XIX century. The research focus is made on trying to prove that Chebotarev was an important figure (named "grey cardinal") in the program planning of Cossack reforms in preparation the concrete projects on the Don transformations in the epoch of the liberation of Alexander II.

Keywords: Chebotarev A.P., war ministry, Don Cossacks, Cossack troops, epoch of liberation of Alexander II.

Введение

Вопросительный знак, вынесенный в заголовок статьи, неслучаен. Имеющихся сведений о личности А.П. Чеботарева, количество открытых и доступных источников, которые проливали бы свет на его деятельность пока недостаточно для утвердительного заключения о роли Чеботарева в реформировании казачества в 60-70-х гг. XIX века. Обычно об Адаме Петровиче Чеботареве упоминают в литературе в связи с посещением Донской земли А.С. Пушкиным [1], реже из-за опубликования им довольно известной «Записки донского атамана А.К. Денисова» [2] и только небольшое число историков и краеведов знает Чеботарева как донского генерала, сделавшего карьеру преимущественно в Санкт-Петербурге, имевшего широкий круг знакомых среди влиятельных современников и оставившего после себя заметный публицистический, мемуарный и публикаторский след [3].

Наш же интерес к личности А.П. Чеботарева обусловлен исполнением им должностных обязанностей помощника начальника Управления иррегулярных войск (далее – УИВ) Военного министерства с 1858 по 1870 г., т.е. в период проведения радикальных «милютинских» реформ в отношении казачества. Увлечение Чеботаревым также было подогрето найденными в Российском государственном военно-историческом архиве (далее – РГВИА) источниками личного происхождения [4], которые позволяют по-другому посмотреть на традиционные сюжеты, связанные с его именем, и выстроить предположения, подтверждающие, как нам кажется, заголовок статьи.

Материалы и методы

Статья основана на разнообразных архивных и литературных источниках, в ней используются методы структурного анализа и системного подхода.

Обсуждения и результаты

Опубликованные биографические заметки о А.П. Чеботареве не отличаются захватывающими подробностями [5]. Родился Адам Петрович 22 июля 1812 года в казачьей обер-офицерской семье. Детали, относящиеся к месту проживания семьи Чеботаревых, ее имущественному положению, кругу родственников, неизвестны. Попытку дореволюционных биографов связать потомственный дворянский курский род Чеботаревых (XVII в.) [6] с фамилией своего героя, вероятно, следует рассматривать как все же большую натяжку. Фамилия Чеботаревых (Чебатаревых) была весьма распространена на Дону [7], а упоминание обер-офицерской семьи говорит о том, что отец Адама Петровича приобрел патент на личное дворянство после вступления в первый офицерский чин. Образование юный Чеботарев получал в Новочеркасской гимназии и Харьковском университете, пройдя путь просвещения типичный для представителей донской казачьей элиты. В 1829 г. он поступил на военную службу простым казаком. В 1831 г. Чеботарев, находясь в составе донского казачьего полка Грекова, участвовал в подавлении польского восстания и дослужился до хорунжего. В этом чине был командирован в штаб походного атамана донских казачьих полков генерал-лейтенанта М.Г. Власова младшим адъютантом. После назначения в феврале 1836 г. М.Г. Власова наказным атаманом войска Донского остался при нем адъютантом. Немногочисленные биографы Чеботарева отмечают, что он был принят семьей Власова «как родной сын» [8]. Через два года после смерти Власова в 1850 году уже подполковник А.П. Чеботарев определяется членом общего присутствия Департамента военных поселений со стороны войска Донского. В 1856 г. становится вице-директором этого Департамента. В связи с преобразованием Департамента в Управление иррегулярных войск назначается помощником начальника Управления. В 1858 г. генерал-майор, в 1865 г. генерал-лейтенант. В 1870 г. входит в состав Главного военно-кодификационного комитета. Скончался 4 ноября 1881 г., в год своего пятидесятилетнего юбилея производства в первый офицерский чин. О человеческих качествах А.П. Чеботарева можно получить представление, если довериться единственному наблюдению о нем, сделанному публикатором его воспоминаний Н.И. Красновым. «Разумный, гостеприимный хозяин, одаренный громадной памятью, остроумный рассказчик, Адам Петрович группировал в своем доме всех выдающихся дельцов своего времени. Из умерших приятелями его были, как известные казачьи генералы: И.И. Краснов и Бакланов, так и литераторы Гречь и Кукольник, а также композитор Глинка... беседовал с Пушкиным и Жуковским и сам был в душе поэтом» [9]. В Санкт-Петербурге А.П. Чеботарев проживал по адресу: улица (ныне – переулок) Спасская, дом 2, кв.1, т.е. чуть менее 1,5 км от своего места работы – знаменитого дома Лобанова-Ростовского на Адмиралтейском проспекте 12, где располагалось Военное министерство Российской империи [10]. Находилась ли эта квартира в собственности Чеботарева или являлась служебной неизвестно. Также очень сложно сказать о семейном положении Адама Петровича. В источниках упоминается о заключении брака между А.П. Чеботаревым и Софьей Гавриловной Пеликан в конце 1879 – нач. 1880 года, когда брачующимся было 67 и 55 лет соответственно [11]! Был ли это для него первый брак или очередной – не понятно. К этому можно также добавить, что судя по всему Чеботарев не оставил после себя потомства. Так, после его смерти вдовствующая Софья Гавриловна передала записки мужа, оканчивающиеся 1865 годом, упомянутому уже Н.И. Краснову, другая же часть документов Чеботарева каким-то образом оказалась в руках генерала от кавалерии А.В. Каульбарса, если были точны архивисты РГВИА при формировании описи дел личного фонда этого генерала. Среди немногочисленных архивных материалов, относящихся к Чеботареву, особое место занимают отрывки из его воспоминаний, а также небольшая «Выписка из журнала 1836 г.», в которой в подробностях описываются обстоятельства назначения М.Г. Власова наказным атаманом войска Донского.

1836 год ключевой год в жизни и карьере Чеботарева. В начале года он в качестве адъютанта сопровождал М.Г. Власова в Санкт-Петербург, которого, как оказалось, вызвали для утверждения на должность донского атамана. Смена военных впечатлений будней

польской компании на картинке столичной жизни, пусть и не длительной по времени, а также личная сопричастность к событиям вокруг нового назначения М.Г. Власова подтолкнули Чеботарева к письменной рефлексии. Именно благодаря ей мы знаем о содержании разговоров Власова с императором Николаем I, наследником престола, военным министром Чернышевым, состоявшихся в промежутке с 5 по 16 февраля 1836 года, накануне отъезда атамана на Дон. Впоследствии многие темы, затронутые в этих беседах, будут разобраны по цитатам, растиражированы и мифологизированы. Между тем существует три варианта (текста) чеботаревского описания зимних встреч атамана с представителями высшей власти. Вариант №1 – в биографическом очерке Чеботарева о своем многолетнем начальнике М.Г. Власове (Русская старина, 1875) [12]. Вариант №2 – в воспоминаниях Чеботарева, опубликованных уже после его смерти Н.И. Красновым (Военный сборник, 1884) [13]. Наконец, вариант №3 – в собственноручных дневниковых записях Чеботарева, сделанных, скорее всего, по горячим следам (архивная «Выписка из журнала 1836 г.») [14]. Примеров разночтений и пропусков в этих текстах немало. Их наличие свидетельствует, возможно, о действиях цензуры или определенной редакционной политике журналов, о проявлении самоцензуры со стороны Чеботарева или о тенденциозности Н.И. Краснова как публикатора источника. В наши задачи не входит разбор всех найденных разночтений, этому должно быть посвящено отдельное источниковедческое исследование. Мы остановимся только на тех примерах, которые, на наш взгляд, наиболее ярко раскрывают властный дискурс в отношении казачества николаевского царствования. Для понимания последующих действий Чеботарева, в том числе в 60-70-х гг. XIX в., нужно учитывать знание Чеботаревым этого дискурса, а также то обстоятельство, что, по крайней мере, открыто в печати Чеботарев позже не стал его детализировать. Если действительно не было цензурного вмешательства, такая скрытность показывает сложное чеботаревское отношение к властным представлениям о казачестве.

Итак, центральный момент власовских зимних встреч это первая беседа будущего атамана с Николаем I 6 февраля 1836 года. На ней император сообщил о назначении Власова атаманом донского войска (прежний атаман – Кутейников «слаб, хил и болен»), о том, что его надежды на благодарное восприятие казаками нового Положения 1835 г. не оправдались («приняли холодно»), несмотря на то, что казаки сами участвовали в его составлении и «было время размыслить, рассудить»; также Николай признался, что лично вникнул в Положение 1835 г. и посчитал его «благодетельным» («тем больше, что и казачество в нем не изменится, целая Россия управляется одними правилами, а у вас остаются свои, как деды ваши жили, так и вы будете жить, та же казацкая свобода, та же степная жизнь») и задался вопросом: «Чего же хотеть?...». Собственно, с этого вопроса и начинаются разночтения. В первых двух опубликованных вариантах он сформулирован именно так, в архивной же «выписке» вопрос слегка изменен: «Чего же хотят?». Не будем вдаваться в подробный анализ возможных интерпретаций в связи с трансформацией смыслового оттенка вопроса, тем более, что случай ошибки или опечатки может иметь место. Важно то, что следующих строк уже нет в Красновском варианте, а выделенные нами в скобках слова присутствуют только в архивной «выписке».

«Когда сенаторы обнародовали закон, то при этом было три-четыре генерала ваших, и только те, которых служба удерживала в Черкасске, а у вас их до 30-ти. **(Я знаю)** Отчего не был Денисов, Сысоев, Иловайские? Отчего не были другие? И дворян ваших почти никого не было. **(Они пренебрегли мною, скажите им, что я ими пренебрегаю. Да, пренебрегаю. Я знать их не хочу)**. Узнай, отчего они не были и напиши мне. Они забыли, что я все сделал им, - все... а крестьяне их – откуда они? Приписанные беглецы от русских помещиков... ведь я же не забрал их в казну; за ними оставил...**(Этого мало им! Да, я очень недоволен ими. Я не забуду им это. Возьми их в руки, в ежовые рукавицы возьми их)**».

Очередная встреча, состоявшаяся 10 февраля между Власовым и Николаем I, на которой император поздравил атамана с официальным вступлением в должность, вообще не попала в биографический очерк Чеботарева. Однако на этой встрече Николай I еще раз подтвердил курс на сохранение «патриархальных основ» среди донского казачества:

«Я люблю казаков, но не желал бы видеть их, не казаками: надобно чтобы на Дон не доходила никакая реформа, ни в правах, ни в обычаях, **(ни в самом служении)**. Пускай казаки останутся славными казаками **(Отечественной войны)** двенадцатого года» (выделенные в скобках слова имеются только в архивной «выписке» - А.В.).

На следующий день Власов отправился к военному министру Чернышеву для получения более подробного плана действий в качестве атамана. На этот раз слова министра воспроизводятся во всех трех вариантах, но разнятся в важных деталях. Среди 8-ми пунктов «приказа» Чернышева, которыми должен был руководствоваться атаман, не нашлось места 9-му пункту, приводимому только в архивной «выписке», и находящемуся в ней на первом месте, а именно: **«помнить, почему мало было генералов при открытии войскового положения»** (выделено нами - А.В.). Кроме того, комментируя пункт «приказа» о «патриархальности как главной основе всех стремлений донского начальства», Чернышев позволил себе следующую фразу, отсутствующую в Красновском варианте:

«Ученых уже и у вас много **(их желать больше не нужно, а)** надобно желать побольше старинной доброты, да старинной простоты» (выделенные в скобках слова имеются только в архивной «выписке» - А.В.).

Итак, проанализируем и сопоставим знание Чеботаревым вероятного содержания бесед атамана с императором и министром в его полном варианте, заключенном в архивной «выписке», с печатным воплощением, допущенным самим казачьим генералом, хотя красновское «редактирование» воспоминаний не менее интересно. Чеботарев, в числе немногих, помнил об истинном уровне осведомленности и недовольства Николая I к проявлению казачьей «фронды» по отношению к введению Положения 1835 г., о проблеме «лояльности» самодержавию, прежде всего, представителей привилегированного казачьего сословия. Трудности с подготовкой Положения и его обнародованием не были секретом для современников. Однако о деталях царского недовольства Чеботарев печатно предпочел умолчать, как и об отрицательном отношении Николая I к реформированию казачества. Также умолчал Чеботарев и о пассаже военного министра, характеризующего консервативную образовательную политику на Дону. Возвращаясь к «забывчивости» Чеботарева о словах Николая I «чтобы на Дон не доходила никакая реформа...», следует отметить, что такая избирательность «памяти» генерала в 1875 г., когда в казачьих войсках уже были проведены масштабные реформы Александра II, свидетельствует, как минимум, о желании Чеботарева скрыть отсутствие преемственности между двумя царствованиями в казачьей политике, а, как максимум, выдает в нем, если не активного участника этой политики (что и было на самом деле), то хотя бы сторонника преобразований или сочувствующего им.

Следующая важная веха в карьере Чеботарева приходится на 1858 год. Реорганизация Департамента военных поселений в УИВ оставила Чеботарева в должности помощника начальника управления с повышением в звании. С этого времени вся его служебная деятельность до выхода в отставку будет связана исключительно с казачьими вопросами. Из-за частых командировок начальника УИВ А.И. Веригина Чеботарев неоднократно становился и.о. управления. Это обстоятельство позволило ему войти в доверительные отношения с тогдашним военным министром Н.О. Сухозанетом. Благодаря протекции министра в нач. 1860 г. Чеботарев удостоился личной аудиенции Александра II за «изящное» исполнение поручения по сокращению наряда на службу казаков Астраханского войска. Эта беседа закончилась пожалованием Чеботареву ордена Станислава I степени [15]. Думается, что впоследствии генерал еще не раз мог иметь возможность напомнить о себе Александру II. По крайней мере, нам известен эпизод с личным и пристрастным прочтением императором в нач. 1863 г. записки Чеботарева, посвященной посещению Николаем I и наследником престола (будущим Александром II) в 1836 г. Новочеркаска [16]. Практически невозможно ответить на вопрос как относительная близость Чеботарева к императорской семье могла влиять на его позицию по той или иной актуальной проблеме развития казачества или войсковых территорий и влияла ли вообще. Успешная карьера Чеботарева ясно дает понять, что с дисциплиной по выполнению различных приказов, в том числе, и

высочайших распоряжений, у донского генерала заминок не было. Однако даже самый ответственный исполнитель не лишен своего собственного мнения. Об этом мнении можно получить представление, к сожалению, пока из единственного источника – отдельных глав из не дошедших до нас в полном виде воспоминаний самого Чеботарева.

Итак, если довериться записям Адама Петровича, то он подверг критике решение об избранном направлении строительства первой железной дороги на Дону от Грушевских угольных копий (1860). Сомнение в эффективности планируемой дороги Чеботарев высказал Сухозанету в присутствии других должностных лиц. Чуть позже в беседе с военным министром тет-а-тет генерал более подробно обосновал свою позицию. Дело в том, что Чеботарев участвовал в подготовке «Положения о горном промысле в Земле войска Донского» (принят в 1864 г.) и считал себя разбирающимся в местной угольной промышленности. По его мнению, дорога станет убыточной, как только донские землевладельцы–помещики получат право полной собственности на свои земли и приступят к добыче угля еще в 128 других месторождениях, а главное, к его сбыту в ближайших к шахтам центрах – Таганроге и Ростове-на-Дону. Предоставление же донским помещикам права полной земельной собственности после предстоящего освобождения крестьян для Чеботарева вообще «не «подлежало сомнению». Более того, «уродственными рассуждениями» Чеботарев назвал (видимо, проговорив про себя) доводы Сухозанета о том, что «на крестьянские дробные участки земли покупателей или совсем не будет, или будут, но то будут владельцы ничтожные, а дозволю помещикам продаже – Дон наполнится владельцами богатыми, сильными и образованными, со связями и голосом своим, - тогда прощай ваше казачество» [17]. Тема собственности казака на землю Чеботаревым развивается в другой ситуации начала 1861 года. Н.О. Сухозанет поручил ему разобраться с поступившим в министерство проектом наместника Кавказа А.И. Барятинского о заселении казаками предгорий Западной части Кавказского хребта и переговорить по этому делу с Д.А. Милютиным. В это время Д.А. Милютин – будущий реформатор русской армии – уже являлся товарищем (заместителем) Сухозанета, считался его будущим преемником и «вторым я Барятинского». Как утверждает Чеботарев, ему удалось убедить Д.А. Милютина в «опасности» проекта в том виде, в каком он поступил в военное ведомство, из-за имеющихся прецедентов казачьего недовольства по поводу их принудительного переселения на Кавказ в 1793 и 1843 годах. Кроме того, предложение Чеботарева о колонизации закубанских земель казаками-охотниками с «пожалованием в их собственность (подчеркнуто в тексте воспоминаний – А.В.) по несколько десятин земли из вновь запашенных земель за Кубанью» получило полное одобрение Д.А. Милютина. Итогом беседы стало теперь уже поручение от Милютина Чеботареву подготовить доклад на высочайшее имя по проекту Барятинского с внесением в него пункта о казаках-охотниках как будущих собственников земли [18]. Идеи Чеботарева впоследствии были полностью реализованы в рескрипте Александра II от 24 июня 1861 г. о льготах кубанским казакам при заселении предгорий Западной части Кавказского хребта, в развернутом виде зафиксированных в специальном Положении от 10 мая 1862 года. Данные документы стали основой для пересмотра в 1860-х гг. казачьего земельного законодательства в сторону внедрения на войсковых территориях частной земельной собственности. Завершая описание чеботаревского отношения к казачьему земельному вопросу нельзя не упомянуть о косвенном участии Адама Петровича в т.н. деле полковника П. Кузьмина. В 1864 г. во влиятельном и популярном журнале «Русский вестник» вышла в 2-х частях объемная статья П. Кузьмина «Об условиях владения землями в войске Донском» (т.49-50). Содержание статьи представляло собой подробный критический обзор условий землевладения и землепользования на Дону и предложения по закреплению полного права собственности на землю бывших донских помещиков, а также передаче в потомственную собственность т.н. срочных участков земли, принадлежащих казачьим офицерам. В заключении, анонсируя третью часть статьи об «общем порядке казачьей службы» (так и не увидевшей свет), П. Кузьмин позволил себе следующее выражение: «Мы полагаем, что, кажется пришло уже время освободить Донских офицеров от обязательной... службы, и притом службы исключительно в донских казачьих войсках или по внутреннему управлению края... Если права дворянства распространены и на донских чиновников, то почему же не освобождены они от обязательной службы, весьма близкой к крепостному состоянию, от которого избавлены и крестьяне...» [19]. Публикация

П. Кузьмина вызвала возмущение части донского общества, а также лично войскового наказного атамана (далее – в.н.а.) П.Х. Граббе; стала предметом переписки между ним и военным министром Д.А. Милютиним, в которой атаман настаивал на высылке Кузьмина, находящегося в служебной командировке на Дону, за пределы войска Донского...[20] Роль же Чеботарев в этом деле заключалась в том, что он передавал от имени Д.А. Милютина поручения Кузьмину, в каком ключе следует корректировать текст статьи накануне ее публикации в «Русском вестнике» [21].

С военным министром Д.А. Милютиним, сменившим Сухожанета в ноябре 1861 г., традиционно связывают проведение правительственной политики в отношении казачества в 1860–нач.1870-х гг., направленной «преимущественно на развитие гражданского быта казачьих войск и слиянию их с прочим населением империи». Основное содержание этого курса было сформулировано в известном высочайшем докладе Д.А. Милютина от 15 января 1862 года, а также в «Соображениях... Комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках», подготовленных в первой половине 1862 г. при УИВ. Три принципа существования казачества, ранее незыблемых и почти «священных», Военное министерство планировало пересмотреть в более «либеральном» духе, а именно: обязательную службу, замкнутость войск и войсковую собственность на землю[22]. Мы пока не располагаем свидетельствами, которые бы прямо указывали на причастность Чеботарева к разработке упомянутых выше документов. Ряд же косвенных данных говорит о том, что Чеботарев не мог не влиять на процесс подготовки доклада и «соображений». Представители высшего донского чиновничества видимо предполагали то же самое, предоставив удобный повод в.н.а. П.Х. Граббе сослаться на непопулярность Чеботарева среди местной «общественности», при попытке военного министерства назначить Адама Петровича начальником штаба войска Донского в 1863 году. История с провалившимся назначением Чеботарева начальником штаба связана с общественно-политическим кризисом на Дону в 1862-1863 годах. Здесь появление «Соображений...» вызвало неоднозначную реакцию. Еще в процессе их подготовки нач. штаба войска Донского А.М. Дондуков-Корсаков подал на имя Д.А. Милютина «Записку о войске Донском» (декабрь 1861 г.), в которой подверг жесткой критике планируемый в Военном министерстве подход к преобразованиям среди казачества. Затем, обсуждение «Соображений...» перешло в публичную сферу, на страницы местной печати и привело к идейному размежеванию донского общества на поддерживающих традиционный уклад жизни и ограниченные реформы («казакоманы») и выступающих за коренное переустройство всей системы функционирования казачества («прогрессисты»). Замена потерявшего контроль над ситуацией в.н.а. М.Г. Хомутова на П.Х. Граббе, временно успокоила волнуемое казачество. Центральным властям оставалось только убрать с Дона «взбунтовавшегося» нач. штаба А.М. Дондукова-Корсакова, идейного вдохновителя «казакоманской партии» [23]. Его преемником и должен был стать Чеботарев, чью кандидатуру лично одобрил Александр II. Однако беспрецедентно жесткая позиция Граббе в этом вопросе не позволила Адаму Петровичу вернуться на Дон[24]. Дондуков-Корсаков все же получил отставку, но консервативный настрой у донского общества и даже у местных властей остался. Это отразилось на результатах работы новочеркасского кодификационного комитета, материалы которого были признаны «не соответствующими духу новейшего законодательства». В связи с этим подготовка проектов преобразований среди казачества в милютинском духе была возложена на Временный комитет для пересмотра казачьих законоположений при УИВ.

Несмотря на то, что состав комитета периодически подвергался ротации, Чеботарев являлся его постоянным членом с момента образования в 1866 г. по 1870 год. Д.А. Милютин в своих воспоминаниях отмечает слаженную работу нового начальника УИВ Н.И. Карлгофа и его помощника Чеботарева по реформированию казачества в этот период [25]. О деталях подготовки различных проектов, борьбе мнений среди депутатов комитета можно получить представление из переписки Карлгофа с Милютиним, хранящейся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В ней встречается упоминание о довольно неожиданной позиции Чеботарева по принципиальному вопросу, являвшегося, как нам кажется, квинтэссенцией казачьих преобразований 60-х гг. XIX в., вопросу о введении конскрипционной системы комплектования казачьих частей. Реализация такой системы

должна была привести к выделению т.н. служилых и несслужилых казаков. На основании четко определенной нормы выставяемого от каждого войска количества нижних чинов жребий должен был определить, кто попадал в состав служилых казаков, а кто переходил в разряд войсковых «граждан», навсегда освобожденных от службы, но сохранявших право на владение землей с уплатой в год определенной суммы в войсковой капитал. В одном из писем Карлгоф сухо констатировал, что Чеботарев, как и другие депутаты комитета от войска Донского, высказался против такой системы «из опасения подвергнуться негодованию своих войсковых обывателей» [26]. Возможно, это был тактический ход со стороны Чеботарева необходимый для сохранения авторитета среди донских представителей комитета, а может быть, Чеботарев прислушался к позиции большинства донского казачества, выступающего за принцип поголовности военной службы. В любом случае, несогласованность мнений в комитете не помешала Военному министерству внедрить конскрипционную систему сначала в Оренбургском войске в 1867 г., а потом и в других казачьих войсках.

В 70-е гг. XIX в. Чеботарев, несмотря на то, что формально числился постоянным членом Главного военно-кодификационного комитета, больше времени уделял писательской и публикаторской деятельности. В эти годы вышли все наиболее значимые его работы, посвященные истории донского казачества, атаманам войска Донского. Летом 1881 г. Чеботарев отпраздновал свой 50-летний юбилей вступления в первое офицерское звание. Вскоре с небольшим опозданием Адама Петрович получил поздравительное письмо от уже бывшего военного министра Д.А. Милютин. Для Милютина, отличавшегося высокой требовательностью к людям, заслуги Чеботарева в развитии казачества, видимо, стали убедительными поводом вспомнить о бывшем подчиненном и «просить прощения» за свою забывчивость [27]. Для нас же милютинское поздравление послужило еще одним веским аргументом в пользу положительного ответа на вынесенный в заголовок статьи вопрос.

Примечания:

1. Черейский Л.А. А.П. Чеботарев о Пушкине // Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. 1. С. 281-282.
2. Записки донского атамана Андриана Карповича Денисова, 1763-1841 гг. Сообщ. Ад. П. Чеботарев // Русская старина, 1874. Т.Х. С. 1-45; Т.ХI. С.379-410, 601-641; 1875. Т.ХII. С.27-49, 237-271, 457-480. Современное переиздание: Денисов А.К. Записки донского атамана. Предисловие и аннотирован. указатель В.Т. Новикова. СПб., 1999.
3. Королев В.Н. Старые Вешки: повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. С.222.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.203.(Архив А.В. Каульбарса). Оп.1. Д.35. Материалы А.П. Чеботарева.
5. Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т.22. С. 72-73; Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т.11. Ч.1. С. 797-798; Столетие Военного министерства. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии Военного министерства с 1802 до 1902 года включительно. СПб., 1909. Отд. 5. С.755; Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 504.
6. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник всероссийской империи. СПб., 1890. Ч.2. С. 379.
7. Алфавитный список донских дворянских фамилий. Составитель А. А. Шумков, при участии И.Г. Рыклис. СПб., 2000. URL: <http://www.vgd.ru/STORY/don.htm> (дата обращения: 31.05.2015)
8. Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т.11. Ч.1. С. 798
9. Воспоминания донского казака// Военный сборник, 1884. Т.155. №2. С. 323.
10. Всеобщая адресная книга С.-Петербурга. СПб., 1867-1868. Отдел 3. С. 520.
11. Дневники святого Николая Японского. СПб., 2004. Т.1. С. 235, 408
12. Чеботарев А.П. Максим Григорьевич Власов, атаман войска Донского, 1830-1848. Биографический очерк и воспоминания о нем его адъютанта // Русская старина, 1875. Т.ХIII. С. 215-239.
13. Воспоминания донского казака... С.322-338.
14. РГВИА. Ф.203. (Архив А.В. Каульбарса). Оп.1. Д.35. Л.190б.-23
15. Там же. Л.40-410б.

16. Там же.
17. РГВИА. Ф.203. (Архив А.В. Каульбарса). Оп.1. Д.35. Л.39, 42-43об.
18. Там же. Л.45об.-49.
19. Кузьмин П. Об условиях владения землями в войске Донском // Русский вестник, 1864. №50. С. 254
20. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 169. Карт.52. Ед. хр.1. Л.15об; Карт.62. Ед. хр.33. Л.1об.
21. РГВИА. Ф.330. Оп.1. Д.3. Л.13.
22. Волвенко А.А. Программа гражданского курса Военного министерства в отношении казачьих войск (1860-е гг.) // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2014. С.73-79.
23. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Русская старина, 2015. №1(13). pp. 19-37.
24. ОР РГБ. Ф.169. Карт.62. Ед. хр.32. Л.11об.-12.
25. Милютин Д.А. Воспоминания. 1868-1873. М., 2006. С.345.
26. ОР РГБ. Ф.169. Карт.23. Ед. хр. 19. Л.15-16.
27. РГВИА. Ф.203. (Архив А.В. Каульбарса). Оп.1. Д.35. Л.38-38об.

References:

1. Chereiskii L.A. A.P. Chebotarev o Pushkine // Pushkin i ego vremya. L., 1962. Vyp. 1. S. 281-282.
2. Zapiski donskogo atamana Andriana Karpovicha Denisova, 1763-1841 gg. Soobshch. Ad. P. Chebotarev // Russkaya starina, 1874. T.X. S. 1-45; T.XI. S.379-410, 601-641; 1875. T.XII. S.27-49, 237-271, 457-480. Sovremennoe pereizdanie: Denisov A.K. Zapiski donskogo atamana. Predislovie i annotirovan. ukazatel' V.T. Novikova. SPb., 1999.
3. Korolev V.N. Starye Veshki: povestvovanie o kazakakh. Rostov-na-Donu, 1991. S.222.
4. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (dalee – RGVIA). F.203.(Arkhiv A.V. Kaul'barsa). Op.1. D.35. Materialy A.P. Chebotareva.
5. Russkii biograficheskii slovar'. SPb., 1905. T.22. S. 72-73; Stoletie Voennogo ministerstva. SPb., 1902. T.11. Ch.1. S. 797-798; Stoletie Voennogo ministerstva. Ukazatel' biograficheskikh svedenii, arkhivnykh i literaturnykh materialov, kasayushchikhsya chinov obshchego sostava po kantselyarii Voennogo ministerstva s 1802 do 1902 goda vklyuchitel'no. SPb., 1909. Otd. 5. S.755; Dontsy XIX veka. Rostov-na-Donu, 2003. S. 504.
6. Dvoryanskie rody, vnesennye v obshchii gerbovnik vserossiiskoi imperii. SPb., 1890. Ch.2. S. 379.
7. Alfavitnyi spisok donskikh dvoryanskikh familii. Sostavitel' A. A. Shumkov, pri uchastii I.G. Ryklis. SPb., 2000. URL: <http://www.vgd.ru/STORY/don.htm> (data obrashcheniya: 31.05.2015)
8. Stoletie Voennogo ministerstva. SPb., 1902. T.11. Ch.1. S. 798
9. Vospominaniya donskogo kazaka// Voennyi sbornik, 1884. T.155. №2. S. 323.
10. Vseobshchaya adresnaya kniga S.-Peterburga. SPb., 1867-1868. Otdel 3. S. 520.
11. Dnevniky svyatogo Nikolaya Yaponskogo. SPb., 2004. T.1. S. 235, 408
12. Chebotarev A.P. Maksim Grigor'evich Vlasov, ataman voiska Donskogo, 1830-1848. Biograficheskii ocherk i vospominaniya o nem ego ad'yutanta // Russkaya starina, 1875. T.XIII. S. 215-239.
13. Vospominaniya donskogo kazaka... S.322-338.
14. RGVIA. F.203. (Arkhiv A.V. Kaul'barsa). Op.1. D.35. L.19об.-23
15. Там же. L.40-41об.
16. Там же.
17. RGVIA. F.203. (Arkhiv A.V. Kaul'barsa). Op.1. D.35. L.39, 42-43об.
18. Там же. L.45об.-49.
19. Kuz'min P. Ob usloviyakh vladeniya zemlyami v voiske Donskom // Russkii vestnik, 1864. №50. S. 254
20. Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (dalee – OR RGB). F. 169. Kart.52. Ed. khr.1. L.15об; Kart.62. Ed. khr.33. L.1об.

21. RGVIA. F.330. Op.1. D.3. L.13.

22. Volvenko A.A. Programma grazhdanskogo kursa Voennogo ministerstva v otnoshenii kazach'ikh voisk (1860-e gg.) // Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshteina i aktual'nye problemy razvitiya istoricheskoi nauki (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo uchenogo): materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii. Rostov-na-Donu, 2014. S. 73-79.

23. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya starina, 2015. №1(13). pp. 19-37.

24. OR RGB. F.169. Kart.62. Ed. khr.32. L.11ob.-12.

25. Milyutin D.A. Vospominaniya. 1868-1873. M., 2006. S. 345.

26. OR RGB. F.169. Kart.23. Ed. khr. 19. L.15-16.

27. RGVIA. F.203. (Arkhiv A.V. Kaul'barsa). Op.1. D.35. L.38-38ob.

УДК 94

**А.П. Чеботарев – «серый кардинал»
казачьих реформ эпохи освобождения?**

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация

Кандидат исторической наук, доцент

E-mail: avolvenko@mail.ru

Аннотация. В статье разбираются основные вехи жизни и карьеры А.П. Чеботарева – донского казачьего генерала, заместителя начальника Главного управления иррегулярных войск Военного министерства в 60-х гг. XIX века. Исследовательский акцент сделан на попытках доказать, что Чеботарев являлся важной фигурой («серым кардиналом») в планировании программы казачьих реформ, в подготовке конкретных проектов преобразований на Дону в эпоху освобождения Александра II.

Ключевые слова: А.П. Чеботарев, военное министерство, донское казачество, казачьи войска, эпоха освобождения Александра II.